

Ксения Соболева

Не первая для его сердца

«Литнет»

2026

Соболева К.

Не первая для его сердца / К. Соболева — «Литнет», 2026

ПРОДОЛЖЕНИЕ: Три года назад я сбежала из дома с мужчиной, который обещал мне свободу. Вернулась — брошенной, опозоренной и ненужной собственной семье. После смерти отца брат решил выдать меня за Хасана Султанова: пожилого вдовца с тремя детьми и домом, где нужна не жена, а служанка. Я почти смирилась с этим приговором. Пока во двор не въехали черные машины Амира Каримова. Он был тем, кто когда-то первым рассказал всем о моем побеге. Тем, кого я ненавидела сильнее всех. И теперь он стоял в нашем доме и спокойно говорил брату:— За Хасана она не выйдет. Я сам беру Лейлу в жены.— Зачем? — спросила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Амир посмотрел на меня без жалости.— Потому что твой отец умер, не вернув мне долг. А ты — единственное, что в этом доме еще чего-то стоит. Я должна была стать женой старика. Стала женой врага. Он обещал не трогать меня, пока я сама не попрошу. Я поклялась, что этого не случится никогда. Дорогие читатели, я завела собственный ТГ канал, который называется "Миры Ксении Соболевой". Буду рада, если подпишетесь. Так мы сможем оставаться на связи и быть ближе друг к другу. Канал можно найти через общий поиск. В нем анонсы, размышления, арты и прочее. Буду рада видеть Вас там!

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Невеста для старика	5
Глава 2. Долг твоего отца	22
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Невеста для старика

В день, когда меня должны были показать Хасану Султанову, мать впервые за три года заплела мне волосы так бережно, будто я снова была ее дочерью, а не ошибкой, которую наш дом терпел из последних сил. Ее пальцы, сухие, тонкие, с потемневшими от вечной работы суставами, скользили по моим волосам медленно, почти ласково, и от этого хотелось не плакать даже, а рассмеяться: до чего же странно устроена женская нежность в нашем доме. Пока меня хоронили живьем под чужой приговор, она вдруг вспомнила, как когда-то расчесывала меня перед праздниками, как выбирала ленточки в тон платью, как целовала в макушку и говорила, что у ее Лейлы волосы густые, как ночь над горами. Тогда это звучало как благословение. Теперь — как последний штрих перед продажей.

Я сидела перед старым зеркалом в комнате матери и смотрела не на себя, а на ее отражение. Мать стояла за моей спиной, слегка склонив голову, сжимая губы так, что вокруг рта проступили мелкие морщинки. За последние годы она постарела не постепенно, а будто рывком, в один злой, неотвратимый день. Может быть, в тот самый, когда я переступила порог отчего дома после своего побега, с сумкой в руке, с разбитым сердцем и с тем страшным молчанием на лице, которое бывает у женщин, понявших слишком поздно, что свобода тоже может оказаться клеткой, если ключ от нее держал чужой мужчина. Тогда мать открыла мне дверь, увидела меня и не обняла. Только отступила, пропуская внутрь, и я поняла: я вернулась не домой. Я вернулась туда, где будет стоять моя тень, а меня самой будто уже нет.

— Не дергайся, — тихо сказала она, когда я чуть повернула голову. — Косо получится.

— А это теперь важно? — спросила я.

Мать замерла на мгновение, потом снова взялась за прясть, пропустила ее между пальцами и начала укладывать вокруг моей головы. Она всегда умела молчать так, что любое сказанное слово казалось бы лишним. В этом доме женщины чаще молчали, чем говорили. Молчали, когда мужчины решали. Молчали, когда старшие ошибались. Молчали, когда младшие ломались. Считалось, что в молчании есть достоинство. Я же за последние годы успела понять: иногда в молчании не достоинство, а привычка выживать там, где твой голос никому не нужен.

За окном во дворе хлопнула калитка. Послышались тяжелые шаги брата, потом его резкий голос — он отдавал кому-то распоряжения. С раннего утра дом напоминал больного, которому перед приходом врача насильно придали приличный вид. Сестра брата, моя невестка, велела девочкам убрать с глаз все старое и потрескавшееся, накрыть стол белой скатертью, достать чайный сервиз, который отец покупал еще до моей истории и берег для гостей «с именем». На кухне жарили мясо, резали зелень, раскладывали сладости. Соседка тетя Зухра пришла без приглашения, будто помочь, но на самом деле — первой посмотреть, как будут отдавать Лейлу, ту самую Лейлу, которая три года назад опозорила отца, мать, братьев и все семь поколений женщин до себя. Я слышала ее голос сквозь тонкую стену: то жалостливый, то довольный. Люди у нас всегда так разговаривают о чужой беде — будто несут соболезнования, а сами греют руки над огнем.

— Мама, — сказала я, не отрывая взгляда от зеркала, — скажи мне правду. Ты правда считаешь, что так будет лучше?

Она не ответила сразу. Только потянулась к шпилькам, лежавшим на краю комода, и стала вставлять их в прическу одну за другой, осторожно, будто боялась уколоть мне кожу. Мне хотелось схватить ее за руку, повернуться, заставить посмотреть мне в глаза. Хотелось, чтобы она сказала хоть что-нибудь настоящее: что боится, что не согласна, что не хочет отдавать меня старику, что я все еще ее ребенок, что даже падшая дочь остается дочерью. Но мать вздохнула так глубоко, словно этот вздох прошел через все ее тело и вышел уже чужим.

— Лучше, хуже... — сказала она наконец. — Разве у нас теперь есть выбор?

— У тебя есть. У Руслана есть. У всех есть. Только у меня нет.

— Не говори так.

— А как говорить? — Я улыбнулась своему отражению. Улыбка вышла острая, неприятная, почти чужая. — Может, сказать спасибо? Может, выйти к Хасану Султанову, поклониться и радоваться, что он согласен взять в дом женщину с таким прошлым? Он ведь, наверное, очень милостивый человек. Три сына, больная мать, умершая жена, большой дом. Ему нужна невеста или бесплатная работница с кольцом на пальце?

Мать дернула шпильку слишком резко, и я почувствовала боль у виска. Она тут же отпустила прядь, будто испугалась, что причинила мне не ту боль, которую следовало.

— У него дом хороший, — сказала она глухо. — Люди говорят, он не пьет. Не бьет женщин.

Я рассмеялась. Тихо, без веселья, но смех все равно прозвучал в комнате слишком громко, будто я уронила что-то стеклянное.

— Прекрасно. Значит, мой жених не пьет и, возможно, не бьет. Какая удача, мама. Надо было раньше сбежать и вернуться, чтобы заслужить такое счастье.

— Лейла.

В ее голосе было предупреждение. Не материнское даже — усталое, домашнее, привычное. Не говори лишнего. Не накликай. Не порть. Не делай хуже. Все эти фразы жили в наших стенах давно, задолго до моего рождения. Женщин у нас учили понимать их без слов. Я тоже понимала. Только после того, как однажды переступила границу, за которой жизнь уже не возвращается в прежний узор, понимание перестало быть послушанием.

Я перевела взгляд на платье, висевшее на дверце шкафа. Кремовое, закрытое, с длинными рукавами, скромное до безликости. Его выбрала не я. Моя невестка, Амина, принесла его вчера вечером, аккуратно повесила и сказала, что в таком я буду выглядеть прилично. Не красиво — именно прилично. В нашем доме это слово давно заменило мне все остальные. Мне не положено было выглядеть счастливой, желанной, молодой. Мне следовало выглядеть так, чтобы никто не смог сказать: «Еще и гордится». Платье должно было прикрыть не тело, а прошлое. И я знала: не прикроет.

Когда-то я любила яркие ткани. У отца был знакомый купец, который привозил из города шелковые платки, и я могла часами стоять перед зеркалом, прикладывая к лицу то гранатовый, то изумрудный, то темно-синий. Отец смеялся, называя меня павлином. Говорил, что у женщины должна быть красота, но еще должна быть мера. Я тогда закатывала глаза, вертела перед ним головой и спрашивала, какая может быть мера у красоты. Отец щурился, делал вид, что сердится, а потом все равно покупал мне тот платок, на который я смотрела дольше всего. Он умел быть мягким, мой отец. Умел быть теплым, щедрым, живым. И, может быть, именно поэтому его ледяное молчание после моего возвращения стало для меня страшнее любого крика.

Последние месяцы перед смертью он почти не говорил со мной. Мы жили в одном доме, пересекались за завтраком, в коридоре, во дворе, и каждый раз я чувствовала, как его взгляд проходит мимо. Не сквозь — мимо. Так смотрят на место, где стояла любимая вещь, разбившаяся однажды и выброшенная, но привычка смотреть туда еще осталась. Я думала, что успею. Что однажды сяду напротив него, расскажу все: как боялась, как ошиблась, как умерла моя любовь не в тот день, когда он бросил меня, а в тот, когда я поняла, что ради этой любви сожгла за собой дом. Я думала, что отец состарится, станет мягче, что боль уляжется. Он умер внезапно. Утром пил чай, днем схватился за сердце, вечером мужчины уже стояли во дворе, а женщины плакали в доме. Я не успела ничего. Даже попросить прощения так, чтобы он услышал.

После его смерти дом изменился быстро. Пока отец был жив, мое изгнание имело границы. Он мог не смотреть на меня, но его молчаливое присутствие все равно защищало меня от окончательного решения. Руслан, старший брат, давно считал, что меня нужно куда-то деть,

но при отце не смел говорить открыто. Теперь он сел в отцовское кресло в гостиной, стал носить его четки, говорить его фразами, принимать людей в его комнате, и у меня каждый раз холодело внутри от этого зрелища. Не потому, что Руслан стал главой дома. А потому, что он очень хотел казаться отцом, но отцовской силы в нем не было. Была только обида, страх чужих разговоров и злость на меня за то, что моя история стала пятном на его дочерях.

У Руслана росли две девочки. Старшей, Сафие, было двенадцать, младшей, Марьям, девять. Хорошие, тихие, похожие на испуганных птичек. Они любили меня тайком. Забегали иногда в мою комнату, приносили яблоки, просили показать, как рисовать стрелки на глазах, шептали вопросы о городе. Амина за это ругалась, Руслан запрещал им долго сидеть со мной. Я была для них дурным примером, живым доказательством того, что женщина может сделать шаг в сторону и потом всю жизнь служить пугалом для других. «Смотри, не стань как тетя Лейла», — однажды услышала я из коридора. Голос был Аминин. Я тогда не вошла, не возразила. Только вернулась в свою комнату и долго мыла руки, хотя они были чистыми.

— Вставай, — сказала мать. — Надо надеть платье.

Я послушно поднялась. Тело казалось не моим. Не в смысле слабости — я уже давно не была слабой девочкой, которая уезжала ночью, сжимая в сумке паспорт и два платья. Нет, я стала крепче. Но в тот день мое тело действительно словно принадлежало другим: матери, которая застегивала пуговицы у меня на спине; брату, который решил, куда его отдать; будущему жениху, который еще даже не вошел в дом, а уже имел право разглядывать меня как покупку; соседкам, которые оценят, насколько я поблекла и сохранилась ли красота, из-за которой, по их мнению, со мной все и случилось.

Платье оказалось чуть тесным в груди и слишком свободным в талии. Амина сказала бы, что это хорошо: не подчеркивает. Мать расправила рукава, поправила ворот, потом вынула из шкатулки тонкие золотые серьги. Я помнила эти серьги. Отец подарил их мне на семнадцатилетие. Маленькие, каплевидные, с почти незаметной резьбой. Я не надевала их после возвращения. Не имела права на подарки из того времени, где меня еще любили без оговорок.

— Не надо, — сказала я.

— Надо. С ними лицо мягче.

— Мне нужно мягкое лицо для Хасана Султанова?

Мать посмотрела на меня в зеркало. Глаза у нее были красные, но сухие. Она больше не плакала при мне. В первые месяцы после моего возвращения плакала часто: в кладовке, у окна, на кухне, когда думала, что никто не слышит. Потом слезы закончились или ушли глубже. Теперь ее скорбь была похожа на камень, который она носила внутри и уже не пыталась вынуть.

— Тебе нужно пережить этот день, — сказала она. — А потом другой. И еще один. Так женщины и живут.

— Ты правда веришь, что это жизнь?

— Я верю, что не всем дается счастье. Но всем дается терпение.

— Нет, мама. Терпение не дается. Его выдавливают из нас, пока ничего другого не останется.

Она резко отвернулась, и я поняла, что попала точно туда, где у нее самой болело. Мне стало стыдно. Не потому, что я была неправа, а потому, что иногда правдой можно ударить человека, который и так лежит. Я хотела коснуться ее руки, но дверь распахнулась, и в комнату вошла Амина.

Моя невестка всегда выглядела так, будто родилась уже замужней. Аккуратная, собранная, с гладко убранными волосами и тем выражением лица, которое женщины приобретают, когда слишком рано понимают: их безопасность зависит от того, насколько хорошо они умеют нравиться правилам. На мне ее взгляд задержался на секунду дольше, чем следовало. Она оценила платье, прическу, серьги, мою прямую спину и, наверное, осталась недовольна тем, что я не выгляжу достаточно сломленной.

— Руслан зовет, — сказала она. — Хасан-ага будет через полчаса. Надо спуститься, чтобы он не ждал.

— Конечно, — ответила я. — Нельзя заставлять ждать человека, который приехал выбирать себе жену.

Амина поджала губы.

— Лейла, сегодня не тот день, чтобы показывать характер.

— А когда тот?

— Когда от твоего характера перестанут страдать другие.

Она сказала это не зло. И оттого слова ударили сильнее. Я знала, что она думает. Знала, что в ее глазах я не просто несчастная женщина, ошибившаяся в любви. Я была угрозой для ее дочерей. Для будущих сватов. Для разговоров во дворе. Для того хрупкого мира, который она строила годами, угождая мужу, свекрови, соседям, традициям, чужим ожиданиям. Моя история доказывала, что все может рухнуть в одну ночь. Ей нужно было убрать меня из дома не из ненависти, а из страха. Но страх, когда получает власть, бывает ничуть не добрее ненависти.

Я прошла мимо нее в коридор. Дом был наполнен запахами жареного мяса, свежего хлеба, духов тети Зухры и чего-то еще — тревоги, наверное. Тревога у нас тоже имела запах: горячий, плотный, как воздух перед грозой. В гостиной уже накрыли стол. Белая скатерть скрывала старые царапины на дереве. На подносах лежали сладости, орехи, фрукты. В углу стоял самовар, начищенный до блеска. Отцовское кресло, большое, темное, с потертыми подлокотниками, занял Руслан.

Он поднял на меня глаза и на мгновение замолчал. Я увидела в его взгляде то, к чему давно привыкла: не только осуждение, но и досаду. Будто моя красота, пережившая позор, была отдельным оскорблением для семьи. Будто правильнее было бы, если бы я вернулась некрасивой, высохшей, бесцветной, чтобы все видели: наказана. Но зеркало упрямо показывало другое. Я стала старше, тише, осторожнее. В моем лице появилось что-то острое, темное, чего не было раньше. Но красота никуда не ушла. Она перестала быть радостью и стала уликой.

— Сядь, — сказал Руслан.

Я села на край дивана, рядом с матерью. Тетя Зухра, устроившаяся возле окна, шумно вздохнула.

— Машаллах, девочка как луна, — сказала она с той ядовитой лаской, которую женщины умеют заворачивать в благословение. — Хасан-ага будет доволен.

— Тетя Зухра, — мягко произнесла Амина, — может, вы посмотрите, не готов ли чай?

Та поняла намек, но уходить не спешила. Еще раз оглядела меня, покачала головой и только потом поднялась. Когда за ней закрылась дверь, в гостиной стало чуть легче дышать, но ненадолго. Руслан положил четки на стол и посмотрел на меня так, как отец никогда на меня не смотрел — не с болью, а с решением.

— Слушай внимательно, Лейла, — сказал он. — Сегодня никаких сцен. Никаких твоих слов. Если тебя спросят, ты отвечаешь коротко, спокойно, с уважением. Хасан Султанов человек серьезный. Он делает нам одолжение.

Я медленно повернула к нему голову.

— Нам?

— Да, нам. Не делай вид, что не понимаешь.

— Понимаю. Он делает одолжение тебе. Забирает из дома проблему, чтобы к твоим дочерям потом приходили сваты без лишних вопросов.

Лицо Руслана дернулось. Амина в дверях опустила глаза. Мать едва слышно прошептала мое имя, но я уже не могла остановиться. Возможно, мне и не хотелось. Внутри весь день копилось что-то тяжелое, горячее, и теперь оно искало выход.

— Ты думаешь, мне приятно это делать? — спросил Руслан тихо. От тихого голоса у него всегда становилось хуже. Крик был бы честнее. — Ты думаешь, я мечтал сидеть в отцовском кресле и договариваться, кто согласится взять мою сестру после всего, что она натворила?

— Не говори обо мне так, будто меня здесь нет.

— А ты была здесь, когда сбегала? — Он резко наклонился вперед. — Ты думала о матери? Об отце? Обо мне? О девочках? О фамилии? Ты думала хоть о ком-то, кроме себя и этого... — он запнулся, будто имя моего прошлого пачкало ему рот, — кроме того человека?

Я почувствовала, как по коже прошел холод. Даже теперь, через три года, они почти никогда не называли его имени. Он был «тот», «этот», «чужой», «парень другой веры», «ошибка», «позор». Его имя стерли из дома, но не из моей памяти. Рафаэль. Когда-то я думала, что это имя звучит как обещание. Теперь оно звучало как пустая комната, из которой давно вынесли мебель, но запах прежней жизни все еще не выветрился.

— Я думала, что меня любят, — сказала я.

Руслан усмехнулся.

— И что? Полюбили?

Мать закрыла глаза. Амина тихо вышла. Я смотрела на брата и вдруг поняла, что больше не могу ему объяснять. Он хотел видеть во мне виноватую — только так ему было удобно. Если я была виновата во всем, значит, он имел право распоряжаться мной. Значит, ему не нужно было признавать ни жестокости, ни слабости, ни того, что он продает сестру не ради чести, а ради спокойствия. Вина женщины — самая удобная валюта в наших домах. Ею можно оплатить чужой страх, чужое молчание, чужие сделки.

— Да, — сказала я. — Представь себе, я ошиблась. Я заплатила за это. Но ты решил, что мало.

Руслан поднялся. Мать тоже вскочила, будто боялась, что он ударит меня. Он не ударил. Он подошел к окну, постоял спиной к нам, сжал подоконник ладонями. Его плечи напряглись под рубашкой. В детстве он носил меня на руках через арык, чтобы я не промочила туфли. Однажды подрался с мальчиком, который дернул меня за косу. Когда умерла наша младшая сестренка — ей было всего два месяца, я почти не помнила ее, — Руслан сидел во дворе и плакал так горько, что отец увел его за сарай, чтобы женщины не видели. Он не всегда был таким. Никто не рождается каменным. Камень в людях выращивают годы, обиды, чужие ожидания и страх потерять лицо.

— Ты думаешь, я не знаю, что такое Хасан? — спросил он, не оборачиваясь. — Думаешь, мне неизвестно, зачем ему молодая жена? Думаешь, я не понимаю, что ты будешь там не царицей? Понимаю. Но других предложений нет, Лейла. Нет. Хорошие семьи не придут за тобой. Мужчины твоего возраста не станут связывать с тобой имя. А Хасан готов оформить все как положено, дать тебе дом, защиту, фамилию. После твоей истории это больше, чем можно было надеяться.

Я встала. Ноги дрожали, но голос, к моему удивлению, был ровным.

— Защита? От кого? От таких, как ты?

Руслан обернулся. В глазах у него было что-то опасное, но под ним — усталость.

— От мира, который ты сама против себя подняла.

— Нет. Мир подняли те, кто решил, что моя ошибка дает им право меня добить.

Он смотрел на меня долго. Потом махнул рукой, будто отгонял не меня, а сам разговор.

— Все. Достаточно. Через полчаса приедут люди Хасана. Ты выйдешь, поздороваться, посидишь, потом женщины поговорят с тобой отдельно. Если он даст согласие, через неделю будет помолвка. Через месяц — свадьба.

— А если я не дам согласие?

В комнате стало так тихо, что за дверью было слышно, как на кухне звякнула ложка. Руслан посмотрел на меня с почти искренним удивлением, будто такая возможность вообще не входила в устройство мира.

— Ты дашь, — сказал он.

— Почему?

— Потому что после смерти отца я отвечаю за этот дом. И за мать. И за тебя тоже.

— Я не вещь, чтобы за меня отвечать.

— Тогда перестань вести себя так, что тебя приходится спасать от последствий твоей же глупости.

Я открыла рот, но в этот момент во дворе залаяла собака. Сначала одна, потом сразу две соседские. За калиткой послышался шум мотора. Мы все невольно повернулись к окну. Руслан нахмурился, посмотрел на часы.

— Рано, — пробормотал он. — Они не должны были так рано.

Мать прижала ладонь к груди. Я вдруг ощутила странный укол тревоги. Не тот, что мучил меня весь день, а новый, острый, как игла. Машина за воротами была не одна. Судя по звуку, их было несколько. Тяжелые, дорогие моторы, низкое урчание, которое не подходило ни к старому джипу Хасана, ни к машинам его родственников, которых я однажды видела у мечети. Руслан шагнул к двери, но не успел выйти: в коридоре появилась Амина, бледная, с испуганными глазами.

— Руслан, — сказала она. — Там... там Каримовы.

Это имя ударило по комнате сильнее, чем любой крик. Мать села обратно на диван, будто у нее подломились ноги. Руслан застыл. А я почувствовала, как мир вокруг странно замедлился: занавеска у окна чуть шелохнулась от сквозняка, в стекле блеснуло солнце, где-то на кухне тетя Зухра зашептала молитву, и все это происходило как будто за толстым мутным стеклом.

Каримовы.

Я не слышала это имя в нашем доме давно. Точнее, его не произносили при мне. В городе его знали все. Уважали, боялись, обсуждали шепотом. Каримовы владели строительными фирмами, землей, ресторанами, какими-то складами за городом, о которых мужчины говорили осторожно и только между собой. Старший Карим умер много лет назад, оставив после себя деньги, связи и сыновей, из которых самым опасным считался Амир.

Амир Каримов.

Я не видела его почти три года. Но стоило имени возникнуть в доме, как память услужливо открыла дверь, которую я старалась держать закрытой. Ночь моего побега. Вокзал. Рафаэль, сжимающий мою руку. Мой телефон, выключенный и спрятанный в сумку. Сердце, которое билось не от страха, а от восторга. А потом — через несколько дней — звонки, крики, отец, узнавший все слишком быстро, брат, приехавший в город с двумя мужчинами, чужие взгляды, унижение. Позже я узнала: первым, кто сообщил отцу, где меня видели, был Амир Каримов. Не соседка. Не случайный знакомый. Он. Человек, который мог промолчать, но не промолчал. Человек, из-за которого мое тайное безумие стало семейным пожаром.

Я тогда ненавидела его почти так же сильно, как потом возненавидела Рафаэля. Может быть, даже сильнее, потому что Рафаэль хотя бы лгал мне сладко. Амир, казалось, разрушил меня без всякой страсти, просто потому что посчитал нужным вмешаться. Так я думала все эти годы. Так мне было легче: поставить его в одну линию с теми мужчинами, которые решали мою судьбу.

Руслан вышел во двор. Я не должна была идти за ним. Мне следовало остаться в гостиной, опустить глаза, ждать, пока мужчины поговорят. Но ноги сами понесли меня к окну. Я отодвинула занавеску всего на палец и увидела три черные машины у ворот. Они выглядели чужими в нашем пыльном, неровном дворе, слишком гладкими, слишком дорогими, слишком

уверенными в своем праве стоять где угодно. Из первой вышел мужчина в темном костюме — не Амир, кто-то из его людей. Открыл заднюю дверь второй машины.

Амир Каримов вышел медленно, без суеты, как человек, который никогда не спешит, потому что мир все равно будет ждать его. Он стал выше, чем я помнила, или просто память была девичьей и неточной. Темные волосы, короткая борода, резкие скулы, белая рубашка под черным пиджаком. Ничего лишнего. Никакой показной роскоши. Но именно эта сдержанность делала его заметнее всех. У некоторых мужчин власть не в золоте на запястьях и не в громком голосе. Она в том, как они молчат, как смотрят, как другие рядом с ними начинают двигаться тише.

Он снял солнцезащитные очки и поднял взгляд на дом.

На секунду мне показалось, что он смотрит прямо на окно, за которым стою я. Я отступила так резко, что задела плечом стену. Сердце ударилось о ребра. Глупо. Смешно. Я была женщиной, которую собирались выдать за старика, а испугалась взгляда мужчины из прошлого, даже не уверенная, что он меня увидел.

— Лейла, — прошептала мать. — Не подходи к окну.

Я обернулась. Она сидела очень прямо, пальцы вцепились в край платка. В ее лице было не просто удивление. Страх. Настоящий, глубокий, старый страх, который не рождается за минуту. Я впервые подумала, что появление Каримовых означает для нее больше, чем неожиданный визит богатых людей.

— Мама, зачем они приехали?

Она отвела глаза.

— Не знаю.

Она лгала. Или, может быть, не знала точно, но боялась догадок. Я сделала шаг к двери, но мать схватила меня за запястье.

— Сиди здесь.

— Почему?

— Потому что мужчины говорят.

Я посмотрела на ее пальцы на своей руке. Они дрожали.

— Сегодня мужчины говорят обо мне. Значит, я послушаю.

— Лейла, прошу тебя.

В этом «прошу» было столько отчаяния, что я почти остановилась. Почти. Но за эти годы я слишком хорошо выучила: когда женщины остаются в комнатах, за них успевают договориться, продать, выдать, спрятать, обвинить, простить или не простить. Потом им просто сообщают итог и называют это судьбой. Я мягко, но твердо высвободила руку.

— Я уже однажды не слушала, что обо мне решают, — сказала я. — Больше не хочу.

В коридоре было пусто. Все ушли ближе к входу, даже тетя Зухра, конечно, не смогла удержаться. Я остановилась за полураскрытой дверью гостиной, откуда был виден кусок прихожей и вход во двор. Голоса мужчин звучали приглушенно, но я различала слова. Руслан говорил первым, слишком быстро, слишком напряженно.

— Амир, мы не ждали. Надо было предупредить.

— Тогда ты успел бы спрятать то, за чем я приехал, — ответил другой голос.

Я узнала его сразу. Низкий, спокойный, без усилия. Этот голос не нуждался в громкости. Он и так занимал пространство.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Руслан.

— Понимаешь.

Шаги приблизились. В прихожую вошел Руслан, а за ним Амир. Я увидела брата боком: лицо серое, губы сжаты. Амир остановился у порога гостиной и, кажется, сразу заметил меня в тени двери. Взгляд его скользнул по моему лицу, по платью, по заплетенным волосам, по

золотым сергам, и в этом взгляде не было удивления. Будто он знал, как именно меня сегодня оденут. Будто приехал не внезапно, а в последнюю минуту заранее рассчитанного времени.

Я вышла из-за двери. Раз уж он увидел меня, прятаться было бы унижительно.

— Лейла, — сказал Руслан резко. — Вернись к матери.

Я не шелохнулась.

Амир смотрел на меня. Три года назад я видела его мельком, через стекло машины, потом во дворе, когда брат привез меня домой, и еще однажды на похоронах какого-то дальнего родственника, где он даже не подошел. В моей памяти он оставался темным пятном, фигурой, связанной с позором. Теперь он стоял в нашем доме, живой, близкий, слишком настоящий, и я вдруг разозлилась на себя за то, что заметила не только его опасность, но и красоту. Мужскую, тяжелую, спокойную, неприятно уверенную. Такие лица не просят доверия. Они требуют реакции.

— Ты выросла, — сказал он.

Я усмехнулась.

— А ты все так же появляешься там, где тебя не просили.

Руслан резко вдохнул.

— Лейла!

Но Амир не посмотрел на него. Даже бровью не повел. Его губы едва заметно тронула улыбка, но в глазах ничего не изменилось.

— Меня редко просят, — сказал он. — Обычно я прихожу, когда уже поздно просить.

— Тогда ты снова опоздал. Мою судьбу уже успели решить.

— Нет.

Одно слово. Спокойное. Негромкое. И почему-то от него стало холодно.

Руслан сделал шаг вперед, словно пытаясь встать между нами.

— Амир, давай поговорим в кабинете.

— Здесь достаточно места.

— В доме женщины.

— Сегодня речь как раз об одной из них.

Я почувствовала, как напряглась спина. В прихожей появились мать и Амина. За ними, как тень, маячила тетя Зухра, но Амина дернула ее назад так резко, что та исчезла. Мать смотрела то на Амира, то на Руслана, и я уже не сомневалась: она боится не просто визита. Она боится того, что сейчас будет сказано.

Амир прошел в гостиную без приглашения. Он не сел в отцовское кресло — и это почему-то поразило меня сильнее, чем если бы сел. Он остановился рядом с ним, положил руку на спинку, но не присвоил себе это место. Руслан остался стоять напротив. Между ними лежал стол с белой скатертью, сладостями, фруктами и всем тем жалким праздничным великолепием, которое готовили для моего будущего старика. Амир окинул стол взглядом.

— Хасана ждете?

Руслан молчал.

— Значит, я вовремя.

— Это не твое дело, — сказал брат.

— Ошибаешься.

— Лейла моя сестра.

— А долг твоего отца теперь твой.

Эта фраза упала в комнату тяжело, как камень в воду. Мать тихо ахнула и сразу закрыла рот ладонью. Я посмотрела на нее, потом на Руслана. Брат побледнел еще сильнее, но не удивился. Значит, знал. Конечно, знал. Я одна не знала. В нашем доме вообще слишком многое происходило так: мужчины знали, женщины чувствовали, а я, главная причина сегодняшнего собрания, оставалась последней, кому следовало что-то объяснять.

— Не при ней, — сказал Руслан сквозь зубы.

— Почему? — Амир наконец повернулся ко мне полностью. — Она уже достаточно взрослая, чтобы платить за ваши решения. Пусть будет достаточно взрослой, чтобы слышать, сколько они стоят.

— Я ни за что платить не собираюсь, — сказала я. — Особенно если речь о долгах, о которых мне никто не говорил.

— Уже платишь.

Я сжала пальцы. Его спокойствие выводило из себя. Я привыкла к мужскому гневу: отец молчал так, что хотелось провалиться сквозь землю; Руслан давил голосом; Хасан, которого я еще не видела в роли жениха, наверняка говорил бы снисходительно. Но Амир был другим. В нем не было спешки доказать силу. Он просто обладал ею, как другие обладают ростом или цветом глаз.

— Хватит, — резко сказал Руслан. — Я решу вопрос. Дай мне время.

— У тебя было время. Твой отец умер сорок дней назад. До этого у него было десять лет. Теперь ты решил отдать сестру Султанову, чтобы закрыть одну дыру другой. Не выйдет.

— Не смей говорить об отце.

На этом месте голос Руслана сорвался. Амир посмотрел на него без жалости.

— Твой отец умел брать чужое и называть это необходимостью. Ты, похоже, унаследовал только вторую часть.

Руслан бросился бы на него, если бы в дверях не появился один из людей Амира. Ничего не сказал, не сделал, просто возник — высокий, широкоплечий, с каменным лицом. Этого хватило. Руслан остановился, тяжело дыша. Я смотрела на них и понимала все меньше. Долг. Отец. Каримовы. Почему я никогда не слышала? Почему мать побледнела так, будто речь шла не о деньгах, а о крови?

— Сколько? — спросила я.

Все посмотрели на меня.

— Сколько должен был мой отец?

Руслан открыл рот, но Амир ответил первым:

— Достаточно, чтобы твой брат сегодня улыбался Хасану Султанову.

Я перевела взгляд на брата.

— Ты продаешь меня, потому что отец кому-то задолжал?

— Не говори глупостей, — процедил Руслан. — Никто тебя не продает.

— Нет? А как это называется?

Он сделал шаг ко мне, но Амир вдруг сдвинулся совсем немного, почти незаметно, и оказался между нами не телом даже, а присутствием. Руслан остановился. Я заметила это. И меня разозлило, что заметила.

— Брак с Хасаном не состоится, — сказал Амир.

Руслан усмехнулся зло.

— Ты теперь решаешь, кто на ком женится в нашем доме?

— Сегодня — да.

— На каком основании?

Амир посмотрел на меня. Медленно, тяжело. Мне не понравился этот взгляд. В нем не было похоти, не было жалости, не было даже привычного мужского любопытства. Он смотрел так, будто уже принял решение, а я только сейчас узнаю о нем.

— На том основании, что я забираю долг, — сказал он.

Я похолодела. Сначала подумала о деньгах, доме, земле, чем угодно. Но тишина, наступившая после его слов, была слишком страшной. Мать пошатнулась, Амина подхватила ее за локоть. Руслан сказал глухо:

— Нет.

Амир не отвел от меня глаз.

— Да.

— Ты не сделаешь этого.

— Уже сделал. Мои люди утром были у имама. Документы подготовят сегодня. Хасану можешь передать, что он опоздал.

В голове стало пусто. Я слышала отдельные слова, но смысл не сразу складывался. Имам. Документы. Хасан опоздал. Долг. Забираю. Потом все соединилось, и я почувствовала такой яркий, почти физический приступ отвращения, что на секунду мне показалось, будто я задохнусь.

— Что это значит? — спросила я.

Мой голос был тихим. Очень тихим. Но Амир услышал.

— Это значит, что за Хасана ты не выйдешь.

— Я не благодарила тебя за спасение.

— Я не просил благодарности.

— Тогда чего ты просишь?

Он помолчал. Впервые за все время. И это короткое молчание испугало меня сильнее его слов.

— Согласия, — сказал он наконец.

Я рассмеялась. На этот раз громко, некрасиво, почти хрипло. Мать всхлипнула. Руслан отвернулся. Амир стоял неподвижно.

— Согласия? — повторила я. — Ты врываешься в мой дом, говоришь о долгах, отменяешь один договор и предлагаешь другой. И называешь это согласием?

— Я мог бы не спрашивать.

— Как благородно с твоей стороны.

— Лейла, — сказал Руслан резко, но в его голосе уже не было власти. Только паника.

Я обернулась к нему.

— Ты знал?

Он молчал.

— Знал, что отец был должен Каримовым? Знал, что этот человек может прийти и потребовать что угодно?

— Никто не думал, что он потребует тебя, — выдавил Руслан.

— А ты думал отдать меня Хасану раньше, чем он успеет?

Руслан не ответил. Ответ и так был на его лице. Я вдруг увидела все ясно: спешка, платье, смотрины до окончания нормального траура, странная нервозность брата. Он торопился. Не только из-за своей чести. Он хотел закрыть меня в чужом доме до того, как старый долг постучит в наши ворота. И долг постучал. В черной машине. В дорогом костюме. С лицом мужчины, которого я ненавидела.

Я повернулась к Амиру.

— Зачем?

— Ты слышала.

— Нет. Я слышала про долг. Но я не мешок денег и не участок земли. Зачем тебе я?

Его лицо осталось спокойным, но взгляд стал темнее.

— Потому что твой отец умер, не вернув то, что должен был вернуть. Потому что твой брат слишком слаб, чтобы отвечать за его обещания. Потому что Хасан Султанов не получит того, на что уже смотрит как на добычу. И потому что ты, Лейла, единственное в этом доме, что еще имеет цену.

Я не сразу поняла, что ударила его. Просто комната вдруг дернулась, мать вскрикнула, Руслан шагнул ко мне, а моя ладонь горела так сильно, будто я приложила ее к огню. На щеке

Амира медленно проступило красное пятно. Один из его людей у двери напрягся, но Амир поднял руку — едва заметно, не глядя, — и тот остался на месте.

Я дышала часто, почти с болью. Внутри меня все дрожало от ярости. От унижения. От страха, который я не собиралась показывать.

— Не смей говорить обо мне так, — сказала я. — Не смей оценивать меня в моем доме.

Амир медленно повернул голову обратно. Его глаза встретились с моими. Я ожидала злости, угрозы, мужского бешенства, которое я уже видела у других. Но он не сорвался. И это было хуже. Он сделал шаг ко мне, остановился достаточно близко, чтобы я почувствовала слабый запах холодного дыма, дорогого одеколона и улицы после жары.

— Запомни это чувство, — сказал он тихо. Так тихо, что, кажется, услышала только я. — Оно пригодится тебе, когда ты захочешь снова считать себя жертвой.

Я вскинула подбородок.

— Я не поеду с тобой.

— Сегодня нет.

— Никогда.

— Никогда — слишком длинное слово. Особенно для тех, кому некуда идти.

Я вздрогнула, будто он все-таки ударил меня в ответ. Не рукой — правдой. Потому что идти мне действительно было некуда. Этот дом уже не был моим. Хасан ждал меня как вещь. Брат видел во мне проблему. Мать любила, но не защищала. Мир за воротами давно решил, кто я. Амир просто произнес вслух то, что все остальные прятали под словами «честь», «семья», «так надо».

— Убирайся, — сказала я.

Руслан резко повернулся ко мне, но Амир вдруг усмехнулся. Коротко, без веселья.

— Через час приедут люди Хасана. Скажешь ему то же самое?

— Если захочу.

— Не скажешь. Ты будешь сидеть, опустив глаза, потому что мать заплачет, брат надавит, а старик улыбнется так, будто уже знает, в какой комнате поставит твою кровать. Ты будешь ненавидеть всех, но промолчишь. Потому что тебя учили терпеть дольше, чем сопротивляться.

Я хотела ответить, но слова застряли. Он говорил слишком точно. Откуда? Какое право он имел видеть меня насквозь? Ненависть к нему стала такой горячей, что даже страх отступил.

— А ты предлагаешь что? — спросила я. — Другую клетку? Покрасивее? С охраной у ворот и твоей фамилией на двери?

— Да.

Он сказал это без попытки смягчить. Без лжи. И этим выбил у меня почву.

— По крайней мере, в моей клетке Хасан не тронет тебя.

— А ты?

В комнате кто-то резко вдохнул. Кажется, Амина. Может быть, мать. Я не посмотрела. Все мое внимание было на Амуре.

Он молчал несколько секунд. Его взгляд опустился к моим губам, но так быстро, что я могла бы решить, будто мне показалось. Потом снова вернулся к глазам.

— Я не беру силой то, что женщина не хочет отдать, — сказал он.

— Как удобно. Значит, замуж ты берешь не силой, а все остальное — по согласию?

— Брак и постель не одно и то же.

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь. Не от стыда. От ярости и чего-то еще, что я тут же задавила.

— Не говори со мной о постели.

— Тогда не задавай вопросов, ответов на которые боишься.

Я сделала шаг назад. Мне хотелось снова ударить его. Хотелось разбить чашку, перевернуть этот стол, сорвать с себя серьги, платье, все признаки послушной невесты. Но за моей

спиной стояла мать. Рядом — брат, который уже проиграл. В дверях — люди Амира. А за воротами скоро должен был появиться Хасан Султанов, и впервые за весь день я поняла, что между двумя приговорами мне предлагают выбрать тот, где хотя бы не надо сразу лечь под старика.

От этой мысли стало так мерзко, что меня едва не вывернуло.

— Мне нужно поговорить с дочерью, — вдруг сказала мать.

Все посмотрели на нее. Она стояла очень бледная, но голос ее прозвучал неожиданно твердо. Впервые за долгое время я услышала в нем ту женщину, которая когда-то могла одним взглядом остановить нас с Русланом, когда мы ссорились детьми.

Амир кивнул.

— Десять минут.

— Это мой дом, — резко сказал Руслан. — Не тебе давать здесь время.

Амир посмотрел на него. Просто посмотрел. Руслан замолчал.

Мать взяла меня за руку и повела в соседнюю комнату. Я шла за ней как во сне. Дверь закрылась, отрезав нас от мужских голосов. Комната была маленькая, с сундуком у стены и старым ковром, который еще бабушка ткала своими руками. Здесь хранили постельное белье, зимние одеяла, коробки с фотографиями. В детстве я пряталась здесь, когда отец сердился на нас за шалости. Теперь мать закрыла дверь, повернулась ко мне и вдруг прижала ладони к моему лицу.

— Лейла, — прошептала она. — Доченька моя.

От этого слова, сказанного так, будто оно вырвалось у нее через три года запрета, у меня подогнулись колени. Я вцепилась в ее запястья.

— Мама, что происходит? Какой долг? Почему ты боишься Каримовых?

Она закрыла глаза.

— Я не все знаю.

— Но что-то знаешь.

— Твой отец... — Она осеклась, сглотнула. — У мужчин были дела. Старые. Сложные. Он не рассказывал мне всего. Я знала только, что Каримовым нельзя отказывать. И что если они однажды придут, лучше не спорить.

— Прекрасно. Значит, мне просто надо сказать да человеку, который покупает меня за отцовский долг?

— Лучше Амир, чем Хасан.

Я отшатнулась.

— Ты слышишь себя?

— Слышу. — Она схватила меня за руки. — И ненавижу себя за это, но слышу. Ты не знаешь Хасана. Ты думаешь, старик — значит, слабый. Нет. Он жестокий человек, Лейла. У него первая жена умерла не от счастья.

Я замерла.

— Что?

— Люди говорят разное. Я молчала, потому что Руслан уже решил, а я... — Голос ее сорвался. — Я боялась. Боялась, что если начну спорить, он скажет, что это из-за моей мягкости ты тогда сбежала. Что я опять защищаю тебя против семьи. Я слабая, Лейла. Я знаю. Но я мать. И если выбирать между Хасаном и Амиром...

— Ты выбираешь Амира?

— Я выбираю шанс, что ты останешься живой.

Я смотрела на нее и не могла произнести ни слова. Мир, который и так был страшным, вдруг раскрыл под собой еще один слой. Все утро я думала, что меня отдадут в дом, где я буду несчастна. Мать говорила так, будто речь шла о доме, откуда я могла не вернуться.

— Почему ты раньше не сказала?

— А ты могла бы что-то изменить?

Я хотела сказать да. Из гордости, из злости, из привычки спорить с судьбой. Но рот не открылся. Потому что правда была проще и страшнее: нет, не могла. Меня слишком долго лишали права выбирать, и теперь, когда выбор все-таки появился, он оказался между двумя мужчинами, каждый из которых считал себя вправе решать, что для меня лучше.

— Амир ненавидит меня, — сказала я глухо.

— Может быть.

— Он не спасает. Он мстит.

— Может быть.

— Ты отдаешь меня ему, не зная, что он сделает.

Мать заплакала. Беззвучно, некрасиво, сразу постарев еще на десять лет.

— Я уже однажды не смогла тебя удержать. Потом не смогла защитить, когда ты вернулась. Теперь я не знаю, как поступить правильно. Я только знаю, что когда Амир сказал, что Хасан тебя не получит, я впервые за весь день смогла вдохнуть.

Я отвернулась. В груди было больно так, будто там медленно растягивали тугую веревку. Я хотела ненавидеть ее. Хотела обвинить. Но передо мной стояла не предательница, а женщина, которую жизнь годами учила выбирать не счастье, а меньшую беду. И теперь она предлагала мне то же самое наследство.

В дверь постучали. Не резко, но твердо.

— Время, — сказал за дверью голос Амира.

Я усмехнулась сквозь сжатые зубы.

— Какой вежливый палач.

Мать вытерла слезы краем платка.

— Не говори так при нем.

— Я буду говорить что захочу.

— Лейла, прошу. Он не Хасан. Но он тоже не человек, которого можно унижать без последствий.

— А меня можно?

Мать не ответила.

Я сама открыла дверь. Амир стоял в коридоре один. Его люди куда-то отошли, Руслана рядом не было. На щеке еще виднелся слабый след от моей ладони. Мне почему-то стало неприятно, что я это заметила.

— Ну? — спросил он.

— Я хочу условия.

Он чуть приподнял бровь.

— Говори.

— Не здесь. Не в коридоре. И не так, будто ты уже получил мое согласие.

— Разумно.

Это слово прозвучало почти с уважением, и мне захотелось сделать что-нибудь неразумное. Я прошла мимо него обратно в гостиную. Руслан стоял у стола, сжимая телефон. Наверное, уже думал, как отменить приезд Хасана так, чтобы не потерять остатки лица. Амина сидела рядом с матерью, бледная и тихая. Тетю Зухру наконец куда-то убрали, но я не сомневалась: к вечеру весь район узнает, что к нам приезжали Каримовы.

Я остановилась посреди комнаты.

— Я не говорю да, — сказала я. — Я говорю, что выслушаю.

Руслан резко поднял голову.

— Лейла, хватит устраивать театр.

— Замолчи.

Он будто не поверил, что я сказала это вслух. Даже Амир посмотрел на меня внимательнее.

— Сегодня ты уже достаточно за меня говорил, — продолжила я, глядя на брата. — Теперь я буду говорить сама.

Руслан шагнул ко мне, но Амир коротко произнес:

— Оставь.

И, к моему почти бешеному раздражению, Руслан оставил. Не потому, что уважал меня. Потому что боялся его.

— Какие условия? — спросил Амир.

Я повернулась к нему.

— Первое. Я не перееду сегодня.

— Завтра.

— Через неделю.

— Завтра, — повторил он. — Сегодня я закрываю вопрос с Хасаном. Завтра ты переходишь в мой дом. Между этими двумя точками не будет недели для сплетен, давления и глупых попыток сбежать.

— Я не собираюсь сбежать.

— Ты уже однажды собиралась.

Я вспыхнула.

— Не смей.

— Тогда не заставляй меня делать вид, что прошлого не было.

Я сжала зубы. Он бил точно, но я не дала ему увидеть, насколько больно.

— Второе. Ты не прикасаешься ко мне.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как за окном снова залаяла собака. Руслан отвернулся, будто я сказала неприличное. Амина опустила глаза. Мать застыла.

Амир не смутился.

— Пока ты сама не захочешь, — сказал он.

Я почти рассмеялась.

— Не дождешься.

— Посмотрим.

— Нет. Не посмотрим. Ты обещаешь сейчас, при моей матери и брате, что не возьмешь от меня ничего как муж.

В его глазах мелькнуло что-то темное. Не злость. Может быть, раздражение. Может быть, уважение. Может быть, я придумывала.

— Обещаю, что не принужу тебя к близости, — сказал он отчетливо. — Этого достаточно?

Слова были правильные. Но я знала, как мужчины умеют обходить правильные слова. Давлением. Молчанием. Виной. Лаской, которая тоже может быть насилием, если за ней нет выхода. Но сейчас у меня не было роскоши требовать идеального договора.

— Третье. Я хочу знать правду о долге отца.

— Нет.

— Тогда нет и моего согласия.

— Правду ты узнаешь, когда сможешь выдержать ее и не разрушить себя.

— Какая забота.

— Это не забота.

— А что?

— Расчет.

Я горько улыбнулась.

— Наконец-то честно.

— С тобой иначе, похоже, нельзя.

— Со мной можно было бы по-человечески. Но никто не пробовал.

На этот раз он промолчал. И почему-то это молчание не было пустым.

Снаружи снова слышался звук машины. Руслан резко подошел к окну и выругался сквозь зубы.

— Хасан.

Все повернулись. Ворота еще не открылись, но машина действительно остановилась рядом с домом. По двору прошел гул голосов. Тетя Зухра где-то ахнула так выразительно, что даже в такой момент хотелось усмехнуться: для нее этот день становился подарком судьбы.

Руслан схватил телефон, потом опустил. Он не знал, что делать. Впервые за все годы я увидела брата растерянным до беспомощности. Он торопился выдать меня за Хасана, чтобы закрыть одну опасность, но другая уже стояла в гостиной и спокойно ждала, пока первая войдет в ворота.

Амир достал из внутреннего кармана телефон и что-то коротко написал. Один из его людей появился в дверях почти сразу, будто ждал сигнала.

— Скажи Султанову, что встреча отменена, — произнес Амир. — Если захочет объяснений, я выйду сам.

Руслан резко обернулся.

— Ты не можешь так унижить его у моего дома.

— Могу.

— Это будет скандал.

— Скандал уже был три года назад, — сказал Амир. — Этот просто будет полезнее.

Он направился к выходу, но у двери остановился и посмотрел на меня.

— Решай, Лейла.

Я почти не слышала шум за воротами. Перед глазами стояли два пути, и оба были чужими. В одном — Хасан Султанов, старые руки, большой дом, где я стану удобной тенью умершей жены. В другом — Амир Каримов, долг, тайна, ненависть, опасность, обещание не трогать меня и уверенность человека, который привык выигрывать. В нормальной жизни я отказалась бы от обоих. В нормальной жизни я ушла бы работать, сняла комнату, сменила фамилию, начала сначала. Но нормальная жизнь закончилась в ту ночь, когда я села в автобус рядом с Рафаэлем и решила, что любовь сильнее мира.

Теперь мир пришел за сдачей.

Мать смотрела на меня с мольбой. Руслан — с яростью и страхом. Амина — с надеждой, что все закончится как-нибудь без крови. За дверью ждал Хасан. Передо мной стоял Амир.

Я подняла руку и сняла с уха одну серьгу. Потом вторую. Положила их на стол рядом с нетронутыми сладостями. Мать тихо всхлипнула: она поняла раньше остальных. Эти серьги были из прошлой жизни. Из той, где отец еще называл меня своей гордостью. Сегодня я не хотела входить в новый приговор с его подарком в ушах.

— Я не стану женой Хасана, — сказала я.

Руслан закрыл глаза. Может быть, от облегчения. Может быть, от ужаса.

Амир не двинулся.

— И твоей женой я тоже не хочу становиться, — продолжила я. — Запомни это. Если я скажу да, то не потому, что ты победил. Не потому, что ты имеешь право. Не потому, что я испугалась. А потому, что я выбираю сама из того ада, который вы все для меня приготовили.

Он смотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Запомню.

— И еще. Если ты нарушишь слово, я не буду молчать. Не перед твоей матерью, не перед людьми, не перед Богом. Я уже пережила один позор. Вторым меня не убить.

Впервые за все время его лицо изменилось. Совсем немного. Взгляд стал глубже, тяжелее, и в нем мелькнуло что-то похожее на признание силы. Не нежность. Не восхищение. Но, может быть, понимание, что вещь, которую он пришел забрать, умеет говорить.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда завтра ты станешь моей женой не как вещь.

Я усмехнулась.

— А как что?

Он посмотрел на дверь, за которой нарастали голоса, потом снова на меня.

— Как женщина, из-за которой многим придется пожалеть, что они считали ее слабой.

И вышел.

Я осталась стоять посреди гостиной в кремовом платье, которое выбирали для другого мужчины, с пустыми ушами, горящей ладонью и странным ощущением, что пол под ногами не рухнул, хотя должен был. За дверью послышался голос Хасана Султанова — густой, недовольный, привыкший, что ему не отказывают. Затем голос Амира, спокойный и низкий. Слов я не разобрала, но услышала паузу после них. Такую паузу, в которой один мужчина впервые понимает, что добычу у него забрали не просьбой, а правом силы.

Мать подошла ко мне и хотела обнять, но я отступила. Не резко. Просто не смогла. Ее руки опустились.

— Лейла...

— Не надо, мама.

— Я хотела как лучше.

— Знаю.

И это было самым страшным. Все они хотели как лучше. Отец, когда молчал. Мать, когда терпела. Руслан, когда продавал меня за спокойствие. Амир, когда врвался в дом и забирал меня из одной клетки в другую. Даже я когда-то хотела как лучше, когда сбегала навстречу любви, не понимая, что любовь, если она требует от тебя сжечь себя, уже не любовь, а пожар.

Я подошла к окну. Во дворе стояли мужчины. Хасан Султанов был ниже, чем я представляла, плотный, седой, с тяжелым лицом и маленькими жесткими глазами. Он говорил что-то Амиру, размахивая рукой. Амир слушал, не перебивая. Потом наклонился чуть ближе и произнес одну короткую фразу. Хасан замолчал. Его лицо налилось темной краской. Он посмотрел на дом, на окна, и я инстинктивно отступила в тень, хотя знала, что не должна бояться его взгляда. Уже не должна.

Через несколько минут машина Хасана резко выехала со двора. Черные машины Каримовых остались.

Амир поднял голову к окну.

На этот раз я точно знала: он видит меня.

Мы смотрели друг на друга через стекло, через двор, через три года ненависти и один день, который перевернул все. Я должна была чувствовать облегчение. Меня не отдали старику. Мать была права: я, возможно, осталась жива. Но вместо облегчения внутри разрасталась другая тревога — глубокая, темная, с привкусом предчувствия. Потому что Амир Каримов не был спасением. Спасение не приходит в черных машинах, не говорит о долгах и не смотрит так, будто знает о тебе больше, чем ты сама.

Завтра я должна была стать его женой.

Женой мужчины, который однажды уже вмешался в мою судьбу и оставил после себя руины.

Женой врага, который обещал не трогать меня.

Женой человека, чья фамилия в нашем доме произносилась со страхом, а не с уважением.

Я закрыла занавеску и впервые за весь день позволила себе выдохнуть. Только выдох получился не свободным, а дрожащим, почти сломанным. Мне хотелось сорвать с себя это

платье, смыть с лица чужую покорность, закрыться в комнате и не выходить до утра. Но я знала: утро все равно придет. И вместе с ним придет Амир.

А пока в гостиной стоял накрытый для несостоявшегося жениха стол, на белой скатерти лежали мои серьги, и мать смотрела на них так, будто я положила туда не золото, а последнюю часть той девочки, которую она когда-то заплетала перед праздниками. Она не знала, что девочка умерла раньше. Не сегодня. Не в день, когда черные машины въехали во двор. И даже не тогда, когда я вернулась домой с позором.

Она умерла в тот момент, когда поняла: в этом мире женщине мало выжить после собственной ошибки. Ей еще нужно пережить тех, кто решит наказать ее за то, что она вообще посмела ошибиться сама.

Глава 2. Долг твоего отца

Ночь перед моим новым замужеством оказалась не похожа на ночь перед свадьбой. В доме не пели женщины, не смеялись девочки, не перебирали шелка, не спорили о сладостях и украшениях. Не было того тяжелого, суетливого счастья, которым обычно пахнут комнаты перед тем, как из них выводят невесту. Наш дом молчал. Молчал так, будто в нем лежал покойник, только покойником была не смерть, а прежняя жизнь, которую никто не решался вынести за ворота и похоронить. На кухне давно остыл чай. Сладости, приготовленные для Хасана Султанова, так и остались на блюдах, покрытые тонкой марлей. В гостиной белая скатерть казалась теперь не праздничной, а больничной. Мои серьги все еще лежали на краю стола, и мать несколько раз подходила, брала их в ладонь, потом снова опускала на место, будто не могла решить, имеет ли право вернуть мне то, что было подарено отцом, когда я еще была его гордостью.

После отъезда Амира Каримова дом не взорвался криками сразу. Сначала все ходили тихо, оглушенные, каждый со своей мыслью, со своим страхом. Потом приехали двое мужчин от Каримовых. Они не заходили дальше прихожей, говорили с Русланом коротко, передали какие-то бумаги, оставили номер человека, который «решит организационные вопросы», и уехали. Их появление было хуже грубого вторжения. Они вели себя не как гости и не как захватчики. Они вели себя как люди, пришедшие туда, где все уже решено. После них Руслан заперся в отцовском кабинете. Амина увела девочек к соседке, чтобы они не слышали разговоров, хотя, конечно, они уже все слышали. Тетя Зухра исчезла ближе к вечеру, унося в себе новость такой силы, что к утру она наверняка обрастет хвостом, рогами и чужими подробностями. Мать сидела у окна, не снимая платка, и шевелила губами, хотя четок в руках не держала. Я же поднялась к себе, закрыла дверь и впервые за долгое время поняла, что не знаю, кем проснусь завтра.

Комната моя была маленькой, вытянутой, с узкой кроватью, шкафом и письменным столом, за которым я когда-то учила стихи, писала письма подругам, рисовала лица на полях тетрадей. После возвращения сюда я ничего не меняла, словно боялась, что если переставлю стул или сниму старые фотографии, то окончательно признаю: прежняя Лейла не вернется. На полке до сих пор стояла фарфоровая фигурка лошади с отбитыми ушами, которую мне подарил Руслан, когда мне было десять. В ящике лежали засохшие лепестки розы, когда-то спрятанные отцом между страницами моей книги просто потому, что я сказала за обедом: «Какая красивая роза выросла у стены». Такие мелочи не должны были ранить, но именно они ранили сильнее всего. Большие предательства можно ненавидеть. Маленькие воспоминания приходится оплакивать.

Я сняла кремовое платье, в котором меня собирались показать Хасану, и бросила его на стул. Оно сползло на пол бесформенной светлой кучей, похожей на сброшенную кожу. В зеркале напротив шкафа отразилась женщина в нижней сорочке, с расплетенными волосами и темными кругами под глазами. Я подошла ближе. Подняла руку, провела пальцами по щеке, по подбородку, по губам. Это лицо когда-то так нравилось Рафаэлю, что он мог смотреть на меня молча по несколько минут, а я смеялась и закрывала ему глаза ладонью. Это лицо стало причиной шепота за спиной, зависти женщин, мужского интереса, отцовской тревоги, братской злости. Мне хотелось на секунду стереть его с себя. Стать другой. Не красивой, не заметной, не той, кого можно захотеть, обсудить, продать, забрать в счет долга. Но лицо смотрело на меня упрямо, устало и живо. Оно не спрашивало, хочу ли я быть собой. Оно просто было.

Я легла, но сон не приходил. Внизу сначала раздались шаги Руслана, потом голос матери, потом приглушенный спор. Я не разобрала слов, но тон понимала. Мать просила. Руслан отказывался. Или оправдывался. Или обвинял. В этом доме все разговоры после моего возвраще-

ния сводились к одному: кто виноват, кто должен терпеть последствия, кто имеет право решать. Я могла бы выйти и потребовать, чтобы говорили при мне, но усталость обрушилась на плечи тяжелее гордости. Я лежала, смотрела в потолок и думала о фразе Амира: «Правду ты узнаешь, когда сможешь выдержать ее и не разрушить себя». Какая удобная мужская формула. Сначала они прячут правду, потом говорят, что делают это ради тебя, а когда правда наконец выходит наружу, оказывается, что ты еще и должна быть благодарна за отсрочку боли.

Под утро я все-таки задремала. Сон был рваным, липким. Мне снилось, что я снова на вокзале, только вместо Рафаэля рядом стоит Амир. Я пытаюсь вырвать руку, а он держит не крепко, но так, что вырваться невозможно. Потом вокзал превращается в наш двор, отец сидит в своем кресле прямо под открытым небом, а на коленях у него лежит договор, исписанный черными строками. Я прошу его не подписывать, но он не слышит. Из-за его плеча появляется Хасан Султанов и улыбается. Улыбка у него беззубая, хотя на самом деле я не успела разглядеть его так близко. Я просыпаюсь от собственного резкого вдоха, вся в холодном поту, и несколько мгновений не понимаю, где нахожусь.

Утро уже стояло за окном. Серое, тихое, безжалостное. Во дворе кто-то подметал. В доме пахло свежим хлебом и крепким чаем. Такая обыденность казалась почти издевательством. День, когда женщину отдают замуж против ее воли, ничем не отличается от других дней: солнце встает, вода кипит, птицы садятся на крышу, соседские дети бегут за лепешками. Только внутри все меняется, а мир этого не замечает.

Я умылась долго, до боли растирая лицо холодной водой. Потом достала из шкафа темно-синее платье — не праздничное, не траурное, простое, строгое. Если меня сегодня поведут к обряду, я не собиралась выглядеть ни жертвой, ни невестой. Волосы заплела сама, туго, без материнской нежности. Серьги не надела. В зеркале передо мной стояла женщина, которая не победила, но и не сдалась. Я кивнула своему отражению, как кивают человеку, с которым придется идти через опасное место.

Внизу за столом сидели только мать и Руслан. Амины не было, девочек тоже. На столе стояли лепешки, сыр, варенье, чайник. Обычный завтрак. Невозможный завтрак. Мать подняла на меня глаза и сразу опустила, увидев, что я не в белом и не в кремовом. Руслан, наоборот, смотрел долго, будто хотел сделать замечание, но передумал. Его лицо за ночь осунулось. Под глазами залегли тени, подбородок был плохо выбрит. Он выглядел не как глава дома, а как человек, который вчера проиграл больше, чем готов был признать.

— Садись, — сказал он.

Я села напротив. Налила себе чай. Руки не дрожали, и это почему-то придало мне сил.

— Где Амина?

— Увела девочек к своей матери, — ответил Руслан. — Сегодня им незачем быть дома.

— А мне, значит, есть за чем.

Он поставил чашку на блюдце чуть резче, чем нужно.

— Не начинай.

— Я еще даже не начала.

Мать тихо произнесла:

— Лейла, поешь хоть немного.

Я взяла кусочек лепешки, но есть не смогла. Горло было сухим, чай казался горьким, хотя сахара в нем было достаточно. Мы молчали. Где-то за стеной скрипнула дверь, потом хлопнула калитка. Я смотрела на руки Руслана. Большие, широкие, похожие на отцовские, но с другой привычкой движения. Отец, даже когда сердился, держал руки спокойно. Руслан постоянно что-то сжимал: край стола, четки, телефон, собственные пальцы. В нем жила тревога, которую он называл ответственностью.

— Я хочу знать о долге, — сказала я.

Мать закрыла глаза. Руслан медленно поднял взгляд.

— Сейчас не время.

— Вчера тоже было не время. Три года назад, видимо, тоже. Когда отец умер — тоже. Когда вы решили выдать меня за Хасана — опять не время. Удивительно, сколько в этом доме времени на чужие решения и как мало — на правду.

— Ты ничего не понимаешь.

— Так объясни.

Он откинулся на спинку стула и провел ладонью по лицу. Несколько секунд мне показалось, что он действительно расскажет. Не как старший брат, который делает одолжение младшей, а как человек, усталый от молчания. Но потом его глаза снова стали жесткими.

— Отец занимался делами, в которые женщинам лучше не лезть.

Я усмехнулась.

— Как удобно. Женщинам лучше не лезть, но расплачиваться женщиной можно.

— Никто тобой не расплачивается.

— Руслан.

Он замолчал. Я впервые за утро произнесла его имя не с вызовом, а почти устало. Наверное, это и остановило его. Он посмотрел на мать, потом на окно, за которым утренний свет ложился на двор, и сказал глухо:

— Я не знаю всего. Отец не доверял мне полностью. До самой болезни держал многое при себе. Были земли за городом. Старые документы. Партнерство с Каримовыми еще со времен их отца. Потом что-то пошло не так. Отец говорил, что Каримовы хотели забрать больше, чем им причиталось. Каримовы, очевидно, считали иначе.

— Деньги?

— Деньги тоже.

— Что значит «тоже»?

Руслан дернул щекой.

— Я сказал, что не знаю всего.

— А что знаешь?

Он резко поднялся, прошел к окну, остановился там, где вчера стоял, когда еще думал, что сможет выдать меня за Хасана и закрыть историю. Я видела его профиль. В нем было много отца, и от этого больно сжалось сердце. У нас у всех были куски отца: у меня упрямство, у Руслана форма губ и невозможная гордость, у матери — привычка беречь его даже после смерти.

— После твоего побега, — сказал он, не оборачиваясь, — отец пытался договориться с Каримовыми. Тогда все всплыло снова. Он ездил к ним несколько раз. Возвращался злой. Потом продал часть земли. Я думал, чтобы погасить долги. Но, как оказалось, не погасил.

Я сидела неподвижно.

— Мой побег здесь при чем?

— Не знаю.

— Не лги.

Он резко обернулся.

— Я не лгу! Я действительно не знаю. Отец после твоей истории изменился. Не только из-за позора. Было что-то еще. Он говорил по телефону ночами. Ссорился с кем-то. Запретил мне спрашивать. Один раз я услышал имя Каримова, потом имя того парня, с которым ты сбежала. Когда я вошел, отец замолчал. Все. Это все, что я знаю.

Рафаэль. Имя опять возникло без произнесения, как запах дыма после давно потушенного пожара. Я медленно поставила чашку на стол.

— Рафаэль был связан с Каримовыми?

— Я не сказал этого.

— Но отец говорил о нем в одном разговоре с Каримовыми.

— Я слышал обрывок.

— И молчал три года.

— А что я должен был сделать? — сорвался Руслан. — Прийти к тебе и спросить, не привела ли ты к нам в дом еще и чужих врагов? Ты тогда лежала в комнате и смотрела в стену. Мать рыдала. Отец не ел. Люди плевались нам вслед. Мне надо было еще тебя допрашивать?

— Лучше бы допрашивал, чем теперь отдавал.

— Я пытался спасти то, что осталось от семьи!

— Семья — это не только твои дочери и твое лицо перед людьми.

— Не смей говорить о моих дочерях.

— Почему? Потому что правда неприятная? Ты ведь из-за них торопился. Из-за их будущих сватов. Из-за того, что пока я в этом доме, каждая моя тень падает на них.

Он ударил ладонью по столу. Мать вздрогнула.

— Да! — крикнул он. — Да, из-за них тоже! Потому что я отец. Потому что я не хочу, чтобы через пять лет какой-нибудь уважаемый дом отказал моей Сафии только потому, что ее тетка однажды сбежала за чужим мужчиной и вернулась непонятно кем! Ты хочешь, чтобы я просил прощения за то, что думаю о своих детях?

Я смотрела на него, и гнев во мне вдруг перегорел, оставив горькую пустоту. Он сказал это наконец честно. Грубо, жестоко, но честно. И от этого спорить стало труднее. Не потому, что он был прав. А потому, что в его неправоте тоже была любовь — к своим детям, не ко мне. Иногда самое болезненное в семейной жестокости то, что она редко бывает чистой. В ней всегда намешано что-то настоящее: страх за дочерей, забота о матери, память об отце, желание выжить среди людей, которые сами становятся судьями, потому что боятся однажды оказаться подсудимыми.

— Я не прошу тебя не думать о дочерях, — сказала я тихо. — Я прошу тебя вспомнить, что я тоже чья-то дочь.

Руслан отвернулся. Мать заплакала, закрыв лицо руками. Я не подошла к ней. Не потому, что не хотела. Потому что если бы подошла, то сама могла бы сломаться, а сегодня мне нельзя было ломаться. Сегодня слабость стала бы удобной для всех.

К полудню в доме опять началась суета. Но теперь она была другой — деловой, сухой, без женского ожидания праздника. Приходили какие-то люди, приносили бумаги, что-то уточняли у Руслана, звонили, уходили. Имя Амира произносили редко, но оно было в каждом движении. В два часа приехала пожилая женщина из семьи Каримовых — не его мать, как я сначала испугалась, а дальняя родственница, плотная, строгая, в темном платке, с лицом человека, который умеет организовывать свадьбу, похороны и семейный скандал одним и тем же голосом. Ее звали Мадина-ханум. Она вошла в дом, поздоровалась с матерью, окинула меня быстрым внимательным взглядом и не сказала ни одного лишнего слова. Это почти расположило меня к ней.

— Никакого большого торжества сегодня не будет, — объявила она. — Правильно. После смерти отца девушки шум не нужен. Обряд сделаем скромно. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Потом невесту отвезут в дом мужа.

— Сегодня? — спросила я, хотя знала ответ.

Мадина-ханум посмотрела на меня без неприязни, но и без мягкости.

— Сегодня, дочь. Чем короче дорога между решением и исполнением, тем меньше на ней грязи.

— Грязь обычно несут люди, а не дорога.

На губах женщины мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Тем более. Людей много.

Мать пригласила ее сесть, но та отказалась. Сказала, что времени мало. Потом начала распорядиться: какое платье, какой платок, кто будет рядом, кому позвонить, кого не звать. Я

стояла у стены и слушала, как моя жизнь превращается в список действий. Кремовое платье, приготовленное для Хасана, Мадина-ханум отвергла сразу.

— Не это. Слишком похоже на извинение. У девушки второй день судьбу меняют, ей не надо выглядеть так, будто она просит прощения у стен.

Я невольно подняла на нее глаза. Она не смотрела на меня, перебирала принесенные матерью вещи. Потом выбрала темно-вишневое платье, которое я не надевала много лет. Оно было закрытое, но красивое, с мягким тяжелым блеском ткани. Отец купил его мне перед одним семейным праздником, когда мне было девятнадцать. Я сказала тогда, что цвет слишком взрослый, а он ответил: «Значит, подождет». Платье дождалось не праздника, а моего брака с врагом.

— Это слишком яркое, — тихо сказала мать.

— Для кого? — спросила Мадина-ханум. — Для вдовца, которого она не берет? Или для людей, которые все равно найдут, что сказать? Пусть будет красивой. Красота не преступление, пока женщина сама не начинает считать ее виной.

Я почти не дышала. В нашем доме никто так не говорил. Даже мать в лучшие времена называла красоту даром осторожно, с оглядкой, будто за всякий дар когда-нибудь потребуют плату. Эта женщина из чужой семьи, пришедшая забрать меня, вдруг произнесла фразу, которую мне нужно было услышать много лет назад. Но благодарности я не почувствовала. Только еще одну трещину внутри.

Когда она ушла звонить кому-то, мать помогла мне переодеться. Вишневая ткань легла на тело прохладно и тяжело. Платье оказалось впору. Даже слишком. Оно подчеркивало талию, линию плеч, длинную шею. Я смотрела в зеркало и видела не покорную невесту старика, а женщину, которую будут обсуждать с новой силой. В глазах матери мелькнул страх.

— Может, другое? — спросила она.

— Нет.

— Лейла...

— Нет, мама. Я сегодня уже достаточно была удобной для чужого страха.

Она опустила руки. Потом, помедлив, взяла с комода тонкий платок темного цвета и накинула мне на волосы. Не закрыла лицо, не спрятала красоту, только обрамила ее. Ее пальцы задержались у моего виска.

— Ты похожа на себя прежнюю, — сказала она почти беззвучно.

— Нет.

Я посмотрела на отражение. На глаза, в которых за три года поселилось слишком много знания. На губы, которые научились молчать, а потом разучились. На прямую спину. На лицо женщины, которую сегодня передают из одного мужского решения в другое, но которая по крайней мере понимает, что происходит.

— Прежняя я бы ждала чуда, — сказала я. — А я жду машину Каримова.

Мать вздрогнула, будто это было проклятием.

Ближе к вечеру дом наполнился людьми. Немного, как обещала Мадина-ханум, но достаточно, чтобы стены снова начали дышать чужими взглядами. Пришли две пожилые родственницы со стороны матери, несколько мужчин к Руслану, имам, которого я знала с детства, и еще трое из семьи Каримовых. Не было музыки, не было смеха. Все говорили вполголоса, будто боялись потревожить покойного отца, хотя именно его молчаливая тень, казалось, стояла сегодня в каждом углу. Я все ждала, что кто-то скажет: это неправильно, слишком рано после смерти, слишком резко после вчерашнего скандала, слишком много тайн. Но никто не сказал. Взрослые умеют удивительно быстро признавать неизбежным то, чему страшно сопротивляться.

Амира я увидела не сразу. Сначала услышала, как во дворе снова остановилась машина, как смолкли голоса, как Руслан вышел навстречу. Потом в прихожей раздались мужские шаги.

Я сидела в комнате матери вместе с женщинами. Мадина-ханум поправляла складку моего платка, хотя он и так лежал ровно. Родственницы шептались за спиной. Одна спросила мать, правда ли, что Хасан Султанов вчера был очень недоволен. Другая ответила за нее: «Кто бы не был». Я сделала вид, что не слышу. Сегодня мне предстояло не слышать много.

Дверь приоткрылась, вошла Амина. Она вернулась без девочек, в светлом платке, с лицом, на котором вина боролась с облегчением. Увидев меня, она остановилась.

— Ты красивая, — сказала она тихо.

— Не переживай. Это пройдет после свадьбы?

Она опустила глаза.

— Я не хотела для тебя плохого.

— Все так говорят.

— Лейла, я правда...

— Не сейчас.

Она кивнула и отошла к матери. Я знала, что была жестокой, но в тот момент не могла быть великодушной. Великодушие — роскошь тех, у кого есть хотя бы угол, куда они могут вернуться без унижения. У меня такого угла больше не было.

Имам вошел через несколько минут. За ним Руслан. И Амир.

Комната будто стала меньше. Он был в темном костюме, белой рубашке, без галстука. Не праздничный, но безупречный. На щеке уже не было следа от моей ладони, или свет падал так, что я его не видела. Он поздоровался с женщинами сдержанно, уважительно, не задерживая взгляд ни на ком слишком долго. Когда посмотрел на меня, я заставила себя не отводить глаз. Мне хотелось, чтобы он увидел: я не плакала. Не пряталась. Не превратилась за ночь в благодарную спасенную.

Но в его взгляде, как назло, не было ожидания увидеть меня сломленной. Он смотрел так, будто именно такой меня и предполагал найти.

— Лейла, — сказал он.

— Амир.

Произнести его имя оказалось труднее, чем я думала. Оно прозвучало чужим и тяжелым. В комнате стало еще тише. Имам кашлянул, Руслан отвел взгляд, Мадина-ханум едва заметно усмехнулась, будто оценила, что я не назвала будущего мужа «вы» и не опустила ресницы.

Обряд начался буднично. Возможно, все важные несчастья в жизни начинаются буднично. Сначала вопросы, формулы, подтверждения, слова о согласии, о свидетелях, о браке, о правах и обязанностях. Я слушала голос имама и чувствовала, как реальность отдаляется. Словно это происходило не со мной, а с другой женщиной в вишневом платье, которая сидит рядом с матерью, держит руки на коленях и не позволяет пальцам дрожать. Когда спросили мое согласие, комната исчезла совсем. Остался только этот вопрос, повисший в воздухе, как нож.

Мать рядом едва дышала. Руслан стоял у двери. Амир смотрел прямо на меня.

Я могла сказать «нет». Теоретически могла. И все же это «нет» уже не было свободой. Оно означало возвращение к Хасану, к брату, к старому долгу, к неизвестной опасности, о которой мать говорила с таким страхом. Мое «да» тоже не было свободой. Но в нем было хотя бы мое понимание. Иногда женщина выбирает не потому, что перед ней открыта дверь, а потому, что из двух стен одна кажется менее холодной.

— Согласна, — сказала я.

Голос получился ровным. Даже слишком. Мать закрыла лицо платком. Амина тихо выдохнула. Имам кивнул. Потом спросили Амира.

— Согласен, — ответил он без паузы.

И все.

Так просто я стала женой мужчины, которого ненавидела.

Не ударил гром. Не треснули стены. Отец не вышел из своей смерти, чтобы остановить все это. Мир не считал нужным отметить, что одна человеческая судьба только что свернула туда, куда никогда бы не пошла по доброй воле. Несколько слов — и мое имя уже начало отделяться от старого дома, переходить в чужой. Лейла, дочь покойного Ильяса, сестра Руслана, опозоренная беглянка, теперь стала женой Амира Каримова. Бумаги зашуршали, мужчины поставили подписи, кто-то произнес благословение. Женщины потянулись ко мне с объятиями, с сухими поцелуями, с шепотом «терпения тебе», «счастья», «пусть будет добрым», «такова судьба». Я принимала эти слова, как принимают горькие лекарства, заранее зная, что они не вылечат.

Амир не подошел сразу. Он говорил с имамом, потом с Русланом. Их разговор был коротким и напряженным. Я не слышала слов, но видела, как брат сжимает челюсть, как Амир слушает, слегка наклонив голову, как между ними стоит не только сегодняшний брак, но и тот самый долг, о котором мне по-прежнему не сказали всей правды. Наконец Амир протянул Руслану конверт. Тот не взял.

— При ней? — спросил брат глухо.

— Она уже в этом участвует, — ответил Амир. — Хватит делать вид, что деньги чище, если женщина не смотрит.

Руслан все-таки взял конверт. Его пальцы побелели. Мне захотелось отвернуться, но я заставила себя смотреть. Если меня выдали за чужой долг, я имела право видеть хотя бы тень оплаты. Внутри конверта, вероятно, были документы, чеки, расписки, что угодно. Не наличные, конечно. Такие люди, как Амир, не приносят цену женщины пачками денег. Они делают это аккуратно, законно, почти красиво.

— Теперь дом свободен от претензий? — спросил Руслан.

— От моих — да.

— А от остальных?

Амир чуть прищурился.

— Это уже зависит от того, насколько умно ты будешь себя вести.

Я уловила фразу и похолодела. Остальные. Значит, были и другие. Не только Каримовы. Не только долг. Вчерашняя угроза вокруг меня имела больше лиц, чем я думала.

Когда обряд закончился, женщины начали собирать мои вещи. Это было странно и унижительно: чужие руки открывали мой шкаф, складывали белье, платки, платья, книги, коробку с мелочами. Я стояла рядом, пока Мадина-ханум не посмотрела на меня поверх очков.

— Дочь, ты можешь сама выбрать, что взять в первую очередь. Остальное потом привезут.

— Я сама соберу.

— Тогда собирай.

В ее голосе не было ни раздражения, ни сюсюканья. Она просто отошла и сказала женщинам выйти. За это я снова почти почувствовала к ней благодарность. Почти. Когда дверь закрылась, я осталась одна в своей комнате. В последний раз — одна и еще почти принадлежавшая этим стенам.

Я достала старую сумку. Ту самую, с которой когда-то сбежала. На мгновение рука замерла над ручкой. Сумка была потертая, коричневая, с маленьким пятном возле замка. Я помнила, как складывала в нее вещи три года назад, с глупым торжеством в груди. Тогда мне казалось, что я забираю с собой самое нужное и оставляю позади только страх. Теперь эта же сумка выглядела свидетелем преступления. Я могла взять другую, но упрямство заставило меня открыть именно ее. Пусть. В первый раз я уезжала в ложь, думая, что еду к любви. Сегодня я уезжала в сделку, не питая иллюзий. В этом было хоть какое-то преимущество.

Я положила два платья, белье, расческу, книгу стихов, которую читала в бессонные ночи, маленькую коробку с документами, фотографию матери в молодости и отца, стоявшего рядом с ней у старого дерева. Долго держала снимок в руках. Отец на нем улыбался. Молодой, силь-

ный, еще не знающий, что однажды будет молчать рядом с дочерью так долго, что это молчание переживет его самого. Я хотела оставить фотографию. Потом все-таки положила. Не из прощения. Из потребности помнить, что люди не всегда равны своему худшему поступку. Даже если этот поступок ломает тебя.

На дне ящика лежали письма Рафаэля. Не все. Часть я сожгла в первый месяц после возвращения, когда ненависть была свежей и простой. Но несколько осталось. Почему — я сама не знала. Может быть, потому что до конца уничтожить доказательства собственной глупости страшно: без них кажется, что тебя обманули не снаружи, а ты сама все выдумала. Я вынула тонкую пачку, перевязанную ниткой. Бумага пожелтела, чернила местами расплылись. «Лейла, ты создана не для их стен...» Какая красивая ложь. Я смотрела на первую строку и не чувствовала ничего, кроме усталости.

Дверь открылась без стука.

Я резко обернулась. На пороге стоял Амир.

— Тебя не учили стучать? — спросила я холодно.

Он посмотрел на письма в моей руке.

— Учили. Иногда забываю.

— Вспоминай. Я уже твоя жена по бумагам, но не вещь в твоём доме.

— Мы пока не в моём доме.

— Тем более.

Он не вошел дальше порога, но и не ушел. Его взгляд снова скользнул к письмам. Я нарочно не спрятала их. Не потому, что хотела защитить память о Рафаэле. А потому, что не собиралась начинать этот брак с испуганных жестов.

— Письма от него? — спросил Амир.

— От кого?

— Не играй.

— А ты не допрашивай.

Он помолчал, потом кивнул на пачку.

— Возьмешь с собой?

— А если да?

— Тогда однажды сама пожалеешь.

— Ты ревнуешь к прошлому, которое презираешь?

Его губы чуть напряглись.

— Ревность требует права. Я пока не настолько самоуверен.

Я усмехнулась.

— Правда? А со стороны не скажешь.

— Я не ревную к нему, Лейла. Я знаю ему цену.

В комнате стало холоднее. Я сжала письма.

— Ты его знал.

Это был не вопрос. Амир не ответил сразу. Он посмотрел на окно, на стол, на старую полку с книгами, будто оценивал комнату, где прошла жизнь, которую он сегодня обрывал одним движением. Потом сказал:

— Достаточно.

— Что значит достаточно?

— Достаточно, чтобы понимать: память о нем не стоит места в твоей сумке.

— Не тебе решать, что стоит места в моей жизни.

— Верно.

Это неожиданное согласие сбilo меня сильнее, чем спор. Он шагнул внутрь, но остановился у стола, сохраняя расстояние.

— Я пришел сказать: через двадцать минут выезжаем. Если хочешь попрощаться с матерью — сейчас.

— Как великодушно.

— Не трать силы на колкости. Сегодня они не изменят ничего.

— Зато помогают мне не задохнуться.

Он посмотрел на меня внимательнее, и на секунду в его лице мелькнуло то, чего я не ожидала увидеть: не жалость, нет, но понимание. Такое короткое, почти незаметное, что я могла бы решить, будто придумала его сама.

— Тогда говори, — сказал он. — Но собирайся.

Я бросила письма Рафаэля в ящик и задвинула его. Не потому, что Амир был прав. Просто вдруг поняла: если увезу их с собой, то возьму не память, а цепь. Рафаэль и так слишком долго жил в комнате моей боли. Хватит.

Амир заметил, но ничего не сказал.

— Ты так и не ответил, зачем я тебе на самом деле, — произнесла я, застегивая сумку. — Только не повторяй про долг. Я не верю, что ты женился на женщине, которую презираешь, ради денег, которые мог забрать иначе.

— Почему ты решила, что я тебя презираю?

Я подняла голову.

— А разве нет?

Он смотрел прямо. Без улыбки, без игры.

— Нет.

Это короткое слово опять нарушило равновесие. Я ожидала чего угодно: насмешки, жестокости, уклончивости. Но не такого простого отрицания. В нем не было тепла, но и презрения не было. От этого стало только сложнее.

— Тогда что? — спросила я. — Ненавидишь? Мстишь? Спасает? Покупаешь? Выбери уже что-нибудь одно, чтобы мне было проще понять, как тебя ненавидеть.

— Тебе не нужно проще.

— Конечно. Зачем женщине проще? Она ведь может и потерпеть.

Его взгляд потемнел.

— Я не Хасан.

— Да, ты моложе.

— И не Рафаэль.

Вот тут он попал. Я почувствовала, как лицо застыло.

— Не произноси его имя.

— Почему? Больно?

— Грязно.

— Тогда тем более не носи его письма за собой.

Я резко шагнула к нему.

— Ты не имеешь права говорить со мной так о том, чего не знаешь.

Амир наклонился чуть ближе. Не угрожающе, но расстояние между нами стало опасно малым. Я снова почувствовала этот холодный запах дыма и дорогой ткани.

— Я знаю больше, чем тебе сейчас хочется услышать.

— Тогда скажи.

— Не здесь.

— Как удобно. Все самое важное не здесь, не сейчас, не при мне.

— Потому что если я скажу здесь и сейчас, ты выйдешь к людям с таким лицом, что твоя мать не переживет еще одного удара.

Я открыла рот и закрыла. Он снова ударил не туда, где я защищалась, а туда, где была мать. Я ненавидела его за это умение.

— Не прикрывайся моей матерью.

— Я не прикрываюсь. Я учитываю ее. В отличие от многих.

— Включая меня?

— Включая тебя три года назад.

Я ударила бы его снова, если бы он не перехватил мою руку. Не больно. Не грубо. Просто его пальцы сомкнулись на моем запястье, останавливая движение в воздухе. Несколько секунд мы стояли так близко, что я слышала собственное дыхание, слишком быстрое и злое. Его ладонь была горячей. Эта деталь почему-то обожгла сильнее удержания.

— Отпусти, — сказала я.

Он отпустил сразу.

— Ты обещал не прикасаться.

— Ты собиралась меня ударить.

— Значит, тебе можно нарушать слово, если удобно?

— Нет. Значит, мне придется научиться стоять дальше.

Он отступил на шаг. И снова это было неправильным ответом. Слишком спокойным. Слишком честным. Я не знала, что делать с мужчиной, который в один миг загоняет тебя в брак, а в следующий признает границу, которую сам же едва не нарушил.

— Двадцать минут, — повторил он и вышел.

Когда дверь закрылась, я села на кровать. Рука, которую он удерживал, еще помнила его пальцы. Я потеряла запястье, словно могла стереть ощущение. Ненависть была проще, пока у нее не появлялись такие мелкие трещины. Не нежность. Не доверие. Просто странные подробности, из-за которых враг перестает быть черной фигурой без лица. Я не хотела знать, что он умеет отступать. Не хотела знать, что он не презирает меня. Не хотела думать, что за его решением может скрываться нечто большее, чем власть.

Через двадцать минут я вышла во двор с сумкой в руке. Женщины стояли у двери. Мать держалась прямо, но лицо ее было мокрым от слез. Амина плакала тихо, аккуратно, как плачут люди, которые все еще боятся выглядеть слишком виноватыми. Руслан стоял рядом с воротами, разговаривая с одним из людей Амира. Он не подошел ко мне сразу. Может быть, не знал как.

Я поставила сумку на землю и обняла мать. Она прижалась ко мне так крепко, будто только сейчас поняла, что действительно отпускает. Ее тело дрожало.

— Прости меня, — шептала она. — Прости, доченька. Прости.

Я закрыла глаза. Внутри все сжалось.

— Не сейчас, мама.

— Я должна сказать.

— А я не могу сейчас простить так, чтобы это было честно.

Она отстранилась, посмотрела на меня с болью, но кивнула. Может быть, впервые за три года мы обе сказали правду без попытки сделать ее удобной. Я поцеловала ее в лоб. В детстве она так целовала меня перед сном. Теперь наши роли словно перемешались: она была слабой, я — уходящей, и между нами стояло слишком много невысказанного.

Амина подошла следом.

— Девочки хотели попрощаться, — сказала она. — Я не пустила. Не знала, как будет.

— Скажи им, что я не сержусь.

— Они будут скучать.

— Пусть лучше учатся не быть похожими на меня, — сказала я и тут же пожалела, увидев, как она вздрогнула. — Нет. Не так. Скажи им, пусть учатся быть похожими только на себя.

Амина кивнула, слезы снова покатились по щекам. Я обняла ее коротко. Мы не стали близкими за годы моего возвращения, но в этом объятии было что-то вроде перемирия. Не прощение. Не дружба. Просто признание, что все мы оказались в одной системе страха, только каждая пыталась спастись своим способом.

Руслан подошел последним. Мы стояли друг напротив друга во дворе, где когда-то играли детьми, где отец учил меня ездить на велосипеде, где я разбила колено и Руслан нес меня на руках к матери, хотя сам был мальчишкой. Теперь между нами не было ничего детского. Только взрослая усталость.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — сказал он.

— Но вышло.

— Лейла...

— Не надо говорить, что ты делал это ради семьи. Я уже слышала.

Он сжал губы.

— Береги себя.

Я почти улыбнулась.

— Забавно слышать это от человека, который вчера хотел отдать меня Хасану.

Он опустил глаза. И впервые я увидела в нем не защиту, не оправдание, а стыд. Маленький, поздний, бесполезный, но настоящий.

— Я ошибся, — сказал он глухо. — Может быть.

Это «может быть» было так похоже на Руслана, что я невольно выдохнула. Даже признавая вину, он оставлял себе щель для отступления.

— Когда будешь готов сказать без «может быть», позвони, — ответила я.

Он кивнул. Потом вдруг протянул руку и коснулся моей головы — не как мужчина, благословляющий женщину, а как старший брат, который помнит, что когда-то эта голова помещалась у него под подбородком, когда он вел меня через толпу на базаре. Жест длился секунду. Я не отстранилась.

Машина Амира стояла у ворот. Черная, блестящая, чужая. Водитель уже открыл заднюю дверь. Амир ждал рядом, не торопил. Мадина-ханум сидела в другой машине. Его люди держались в стороне. Соседские окна, конечно, были полны теней. Я чувствовала взгляды, как мелкие камни, летящие в спину. Пусть смотрят. Пусть подавятся.

Я взяла сумку, но Амир протянул руку.

— Я сам.

— Я могу нести свои вещи.

— Не сомневаюсь.

— Тогда зачем?

— Потому что сегодня ты выходишь из этого дома не так, как уходила в прошлый раз.

Я замерла. Он сказал это негромко, но я поняла. В прошлый раз я убегала ночью с сумкой в руке, прячась от семьи, доверяя мужчине, который потом бросит меня. Сегодня я выходила днем, перед всеми, с прямой спиной, и мужчина рядом со мной брал мою сумку не как доказательство власти, а как знак для тех, кто смотрел: она не крадется, ее не гонят, ее сопровождают.

Я ненавидела, что поняла это. И еще сильнее ненавидела, что отдала ему сумку.

Он поставил ее в машину. Я обернулась к дому. Мать стояла у двери, прижимая платок к губам. Руслан рядом с ней. Амина чуть позади. Дом, где я родилась, вдруг показался меньше, чем был. Не потому, что я выросла. Потому что страх всегда делает стены огромными, а когда выходишь за ворота, видишь: это просто стены. Старые, потрескавшиеся, не способные удержать ни любовь, ни боль, если они стали слишком большими.

Я села в машину. Амир обошел с другой стороны и сел рядом. Дверь закрылась мягко, почти бесшумно. Внутри пахло кожей, дорогим деревом и его одеколоном. Между нами было достаточно места, но мне все равно казалось, что он слишком близко. Машина тронулась. За окном поплыл двор, ворота, лица у соседских окон, пыльная улица, по которой я в детстве бегала босиком. Я не заплакала. Слезы стояли где-то глубоко, но не поднимались. Может быть, потому что в моей жизни уже было слишком много уходов, и этот просто занял свое место среди них.

Некоторое время мы ехали молча. Я смотрела в окно. Город был тем же: лавка у поворота, старики у чайной, дети с мячом, женщины с пакетами, пыль на листьях, жаркий воздух над асфальтом. Все это продолжало жить, не зная, что я только что стала женой Амира Каримова. Или зная — к вечеру узнают все. Новость побежит быстрее машин: Хасан приехал, Каримов забрал, брат не смог отказать, Лейла опять в центре скандала. Меня будут жалеть, осуждать, завидовать, проклинать, обсуждать. В зависимости от того, кому что нужнее.

— Куда мы едем? — спросила я наконец.

— Ко мне домой.

— Сразу?

— Да.

— А если я хочу сначала заехать к отцу?

Амир повернул голову.

— На кладбище?

— Да.

Он посмотрел на меня несколько секунд, потом наклонился к водителю.

— Через старое кладбище.

Водитель кивнул. Я отвернулась к окну, чтобы Амир не увидел моего удивления. Я ожидала отказа. Ссылки на время, на людей, на обряд, на то, что не принято. Но он просто изменил маршрут. В этой простоте было что-то опасное. Нельзя привыкать к тому, что враг иногда делает человеческие вещи. Это сбивает прицел.

Кладбище лежало на окраине, за низкой каменной стеной. Солнце клонилось к вечеру, и тени от деревьев ложились на могилы длинными темными полосами. Машина остановилась у входа. Амир вышел первым, открыл дверь мне. Я вышла сама, не принимая руки. Он не настоял.

— Я пойду одна, — сказала я.

— Нет.

Я резко посмотрела на него.

— Ты обещал мне не клетку.

— Я обещал не отдавать тебя тем, кто хочет сделать тебе хуже.

— На кладбище?

— Особенно там, где люди думают, что никто не смотрит.

Слова были странными. Слишком конкретными. Я хотела спросить, но устала от его полуправды. Пошла вперед, и он пошел за мной на несколько шагов позади. Не рядом. Не слишком близко. Но достаточно, чтобы я чувствовала его присутствие.

Могила отца была свежей, земля еще не успела осесть до конца. Камень пока временный, простой, с именем и датами. Я остановилась и вдруг поняла, что не знаю, что сказать. Всю дорогу думала, что у меня накопилось столько слов: обида, вопросы, обвинения, тоска. А перед могилой осталось только молчание. Отец тоже молчал при жизни. Может быть, это было наше семейное наследство — молчать там, где больше всего нужно говорить.

Я присела, поправила маленький камень у края, убрала сухую веточку. Пальцы испачкались землей. Земля была теплая.

— Я вышла замуж, — сказала я тихо. — Не за того, кого выбрал Руслан. За того, кто пришел за твоим долгом.

За спиной не было движения. Амир стоял далеко, но слышал или нет — я не знала. Мне стало все равно.

— Ты должен был рассказать мне, — продолжила я. — Хоть что-нибудь. Хоть раз посмотреть мне в глаза и сказать, во что ты нас втянул. Я бы, может быть, не простила. Но хотя бы знала, за что расплачиваюсь.

Ветер пошевелил траву у соседней могилы. Где-то каркнула птица. Я закрыла глаза, и в темноте передо мной возник отец таким, каким он был до всего: смеющимся, с чайной чашкой в руке, с запахом табака и мыла, с голосом, который вечером звал меня с улицы домой. Потом лицо изменилось: стало старым, усталым, отвернувшимся. Я не знала, какое из них настоящее. Наверное, оба. Это труднее всего принять — что человек может любить тебя и ранить, защищать и предавать, быть твоим домом и стать первой стеной, о которую ты разобьешься.

— Я не знаю, кем ты был для других, — прошептала я. — Но для меня ты был отцом. И я злюсь на тебя так сильно, что, наверное, еще люблю.

Слезы все-таки пришли. Не громкие, не красивые. Просто потекли по лицу, и я не стала их вытирать сразу. Плакать у могилы отца было не стыдно. Стыдно было бы притвориться, что мне все равно.

Когда я поднялась, Амир стоял там же, у дорожки. Он не подошел утешать. И правильно сделал. Если бы подошел, я бы возненавидела его еще сильнее. Он только достал из кармана чистый платок и протянул мне, когда я приблизилась. Я посмотрела на белую ткань, потом на него.

— Я не настолько беспомощна.

— Платок не для беспомощных. Он для тех, кто плакал.

Я взяла платок. Не поблагодарила. Вытерла лицо и сжала ткань в руке, не зная, вернуть ли. Амир не потребовал.

На обратном пути к машине я заметила мужчину у ворот кладбища. Он стоял возле старого дерева, будто ждал кого-то, в серой рубашке, с кепкой, натянутой низко на лоб. Ничего особенного. Но стоило мне посмотреть в его сторону, он резко отвернулся и пошел вдоль стены. Амир тоже заметил. Его взгляд изменился мгновенно: стал холодным, собранным, почти хищным. Он сделал знак водителю. Тот вышел из машины и пошел за мужчиной, не торопясь, но быстро.

— Кто это? — спросила я.

— Садись в машину.

— Кто это, Амир?

— Не сейчас.

— Опять?

Он открыл дверь и впервые за день в его голосе появилась жесткость, не предназначенная для чужих ушей.

— Лейла, садись.

Я могла бы устроить сцену. Но что-то в его лице остановило меня. Не власть. Опасность. Не от него — вокруг. Я села. Он сел рядом через несколько секунд, уже говоря по телефону тихо и коротко. Я не понимала всего, только отдельные слова: «у ворот», «серый», «проверьте», «не трогать, пока не узнаем». Потом он убрал телефон.

— Теперь ты скажешь? — спросила я.

— Нет.

— Я твоя жена, не мешок, который можно перевозить молча.

— Именно поэтому ты сейчас в машине, а не разговариваешь с неизвестным у кладбища.

— Он следил за нами?

— Возможно.

— За тобой?

Амир посмотрел на меня.

— За тобой.

Я рассмеялась. Смех вышел сухим.

— За мной? Какая честь. Вчера я была никому не нужна, кроме старика и брата, а сегодня за мной уже следят у кладбища.

— Вчера ты тоже была нужна. Просто ты не знала кому.

Эта фраза повисла между нами, тяжелая и темная. Я перестала улыбаться.

— Ты обязан рассказать мне.

— Я обязан довезти тебя живой до дома.

— Ты думаешь, звучит благородно?

— Мне все равно, как это звучит.

Я повернулась к окну. Машина выехала с кладбищенской дороги на трассу. Вечернее солнце било в стекло, делая мир золотым и плоским. Внутри меня снова поднималась тревога. Не та, что была перед Хасаном. Другая. Менее понятная. Если до сих пор я думала, что стала частью сделки между мужчинами, то теперь впервые почувствовала: вокруг сделки есть круг шире. Кто-то следит. Кто-то знает. Кто-то, возможно, ждал, как повернется моя судьба.

Дом Амира находился в новом районе за городом, где за высокими заборами прятались особняки людей, не любивших случайных взглядов. Дорога к нему шла через широкую улицу с ровными деревьями, каменными стенами, камерами на столбах. Ворота открылись сами, едва машина подъехала. За ними был большой двор, выложенный светлым камнем, фонтан без воды в центре, темные кипарисы вдоль стены и дом — не дом даже, а особняк, слишком красивый для жизни и слишком холодный для счастья. Светлые стены, высокие окна, резные балконы, тяжелая дверь. Все в нем говорило о деньгах, вкусе и контроле.

Я вышла из машины и сразу почувствовала, как на меня смотрят.

На крыльце стояла женщина.

Самира-ханум, мать Амира, не нуждалась в представлении. Я никогда не встречалась с ней близко, но видела однажды на городской свадьбе: высокая, сухая, с безупречной осанкой и лицом, на котором возраст не стер красоты, а сделал ее строже. Сейчас она была в темном длинном платье, волосы убраны под дорогой платок, руки сложены перед собой. Рядом стояла молодая девушка, лет двадцати, похожая на Амира глазами и линией бровей. Его сестра, должно быть. Она смотрела на меня не враждебно, скорее с любопытством и тревогой. А вот Самира-ханум смотрела так, как смотрят на пятно, появившееся на дорогой ткани.

Амир подошел ко мне сбоку.

— Моя мать, Самира-ханум. Моя сестра, Динара.

Я склонила голову.

— Ассаламу алейкум.

— Ва алейкум ассалам, — ответила Самира-ханум после короткой паузы.

Эта пауза была крошечной, но ее хватило, чтобы все понять. В этом доме меня не ждали. Или ждали так, как ждут болезнь, о которой врач уже предупредил.

Динара шагнула вперед первой.

— Добро пожаловать, — сказала она тихо.

Самира-ханум бросила на нее взгляд, и девушка сразу замолчала.

— Проходите, — произнесла мать Амира. — Раз уж все случилось.

Я почувствовала, как Амир рядом чуть напрягся. Но ответила сама.

— Спасибо. Раз уж все случилось.

Динара опустила глаза, пряча то ли испуг, то ли улыбку. Самира-ханум посмотрела на меня внимательнее. Наверное, ожидала, что я буду молчаливой, заплаканной, благодарной или хотя бы пристыженной. Но я уже устала соответствовать чужим ожиданиям.

Мы вошли в дом. Внутри было прохладно, просторно, красиво. Мраморный пол, высокая лестница, светильники теплого золота, запах цветов и дорогого дерева. Все блестело так, будто пыль здесь не имела права существовать. Дом моего отца был старым, живым, с трещинами, запахами, скрипами, следами рук. Дом Каримовых был безупречным и от этого казался опасным. В таких домах даже крик, наверное, звучит некрасиво и потому быстро подавляется.

Служанка — молодая женщина с усталым лицом — приняла мою сумку. Я хотела взять ее обратно, но Амир сказал:

— Отнесите в комнату Лейлы.

Самира-ханум повернулась к нему.

— В какую именно?

Вопрос был задан спокойно, но воздух сразу изменился. Я поняла: это не бытовая деталь. Это проверка. Если он поселит меня в своей комнате — одно. Если отдельно — другое. Если в гостевом крыле — третье, самое унижительное. Амир посмотрел на мать.

— В западную комнату.

Самира-ханум чуть прищурилась.

— Ту, что рядом с библиотекой?

— Да.

— Она не предназначена для жены.

— Теперь предназначена.

— Амир.

— Мама.

Одно слово — и спор закончился. Но не исчез. Он просто ушел под поверхность, где, наверное, и жила вся эта семья: под поверхностью красивых жестов, спокойных голосов, идеально расставленной мебели. Я стояла рядом и чувствовала, как меня уже распределяют по их внутренней карте: невестка, ошибка, угроза, временная жена, пятно на фамилии, прихоть сына.

Динара вдруг подошла ко мне.

— Я провожу вас, — сказала она. — Комната готова.

— Спасибо.

Амир посмотрел на меня.

— Отдохни. Ужин через час. Потом поговорим.

— Ты все время обещаешь поговорить потом.

— Потому что сначала тебе нужно понять, где ты оказалась.

— Я уже поняла.

— Нет, Лейла. Пока ты только решила, что поняла.

Он ушел с матерью в сторону большой гостиной. Я видела, как Самира-ханум начала говорить ему что-то резкое еще до того, как они скрылись за дверью. Голос ее был низким, сдержанным, но в нем звенел металл. Амир не перебивал. Динара дождалась, пока они уйдут, и только потом тихо выдохнула.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она. — Мама... она не любит неожиданностей.

— А я, значит, неожиданность?

Девушка посмотрела на меня и вдруг честно ответила:

— Нет. Вы катастрофа.

Я не удержалась и рассмеялась. Первый настоящий смех за последние сутки — короткий, усталый, но живой. Динара испугалась, потом тоже улыбнулась.

— Простите, я не хотела грубо.

— Хотела честно. Это редкость. Продолжай.

Она повела меня по коридору, потом вверх по лестнице. По пути я ловила свое отражение в зеркалах: женщина в вишневом платье, с темным платком, с лицом, которое уже не могло решить, устало оно или ожесточено. Динара шла рядом, легкая, тонкая, в простом голубом платье. В ней не было материнского холода, но была осторожность человека, выросшего в доме, где каждое слово имеет последствия.

— Амир сказал, чтобы вас не трогали, — произнесла она вдруг.

— Кто?

— Все.

— Как ободряюще.

— В нашем доме это важно.

Я посмотрела на нее. Динара покраснела, будто сказала лишнее.

— Что это значит?

— Ничего. Просто... у нас много родственников. Не все умеют молчать.

— А твоя мать?

Динара замялась.

— Мама умеет молчать лучше всех. Поэтому когда говорит, больше.

Мы остановились у двери в конце коридора. Комната оказалась большой, светлой, с окнами в сад. Не хозяйская спальня, но и не гостевая кладовка. Широкая кровать, письменный стол, шкаф, кресло у окна, полки с книгами, тяжелые шторы цвета темного золота. Возле кровати стояла ваза с белыми цветами. Моя сумка уже лежала у шкафа.

— Здесь красиво, — сказала я против воли.

— Это была любимая комната моего отца, — ответила Динара. — После его смерти она долго пустовала. Амир иногда здесь работал, когда не хотел никого видеть.

Я медленно повернулась к ней.

— И теперь поселил здесь меня?

Динара, кажется, сама только сейчас поняла значение сказанного. Она пожала плечами, пытаясь выглядеть беспечно.

— Амир редко объясняет свои решения.

— Это у вас семейное?

Она улыбнулась, но тревога из глаз не ушла.

— Отдыхайте. Если что-то нужно, позовите Зару. Это служанка. Или меня. Я рядом, в восточном крыле.

— Динара.

Она остановилась у двери.

— Да?

— Почему твоя мать так смотрит на меня?

Вопрос был прямой, и девушка могла бы уйти от ответа. Но она, как оказалось, не умела лгать легко. Или не хотела.

— Потому что у Амира уже была невеста, — сказала она тихо. — И потому что мама считала, что после всего, что было, наш дом не должен связываться с вашим.

— После всего — это после моего побега?

Динара побледнела.

— Мне пора.

— Нет. Ты начала.

— Я не имею права.

— В этом доме все не имеют права. Интересно, кто тогда имеет?

Она смотрела на меня почти с мольбой.

— Лейла, правда. Не спрашивайте меня. Амир сам скажет, когда решит.

— Конечно. Когда я смогу выдержать и не разрушить себя.

Динара вздрогнула, узнав фразу.

— Он так сказал?

— Да.

Она опустила глаза.

— Значит, боится.

— Амир?

Я не смогла скрыть недоверия. Девушка снова посмотрела на меня, и на этот раз в ее взгляде было что-то очень серьезное.

— Мой брат много чего не боится. Но того, что вы узнаете правду не от него, — боится.

Она вышла, оставив меня одну посреди комнаты, которая когда-то принадлежала отцу Амира. Я подошла к окну. Сад внизу был ухоженным, почти безупречным: дорожки, розовые кусты, темные деревья, маленький фонтан, в котором наконец была вода. За высокой стеной не было видно города. Только верхушки деревьев и кусок неба. Красиво. Богато. Тихо.

Клетка действительно оказалась красивее.

Через час за мной пришла Зара и сказала, что ужин подан. Я успела умыться, поправить волосы, снять платок, но переодеваться не стала. Вишневое платье стало моей броней. Если мать Амира хотела видеть меня случайной грязью на пороге своего дома, пусть эта грязь будет хотя бы хорошо освещена.

Столовая была длинной, с большим столом, за которым легко могли разместиться двадцать человек, хотя сидели только четверо: Самира-ханум, Амир, Динара и я. Позже вошел еще один мужчина — младший брат Амира или кузен, как выяснилось, по имени Рашид. Лет тридцати, с веселыми глазами и ленивой улыбкой, которая не доходила до глубины взгляда. Он поцеловал руку Самире-ханум, обнял Амира, кивнул Динаре и только потом посмотрел на меня.

— Значит, это и есть наша внезапная невестка, — сказал он. — Слухи, как всегда, не передали половины красоты.

— Рашид, — холодно произнес Амир.

— Я же с уважением.

— Начни с него же и закончи.

Рашид поднял руки, будто сдаваясь, но улыбка стала шире.

— Добро пожаловать в семью, Лейла.

— Спасибо, — ответила я. — Надеюсь, семья переживет.

Динара уткнулась в стакан. Самира-ханум посмотрела на меня так, будто я положила локти на стол. Рашид рассмеялся.

— Амир, она мне нравится.

— Ей это не нужно, — сказал Амир.

— Что именно? — спросила я. — Твое разрешение нравиться или его мнение?

Рашид снова рассмеялся, но на этот раз Самира-ханум поставила вилку на тарелку.

— В доме Каримовых за столом не устраивают перепалок.

Я посмотрела на нее.

— Я запомню.

— Надеюсь.

Амир сидел во главе стола. Слева от него мать, справа место оставили мне. Этот порядок был явно выбран им, и так же явно не нравился Самире-ханум. Я села рядом с мужем и почувствовала странную неловкость от этого слова. Муж. Невозможно. Еще вчера он был угрозой у ворот, сегодня сидел рядом, как человек, с которым мне теперь делить фамилию, стол, дом, судьбу и ложь, тщательно спрятанную в стенах обеих семей.

Ужин проходил внешне прилично. Суп, мясо, зелень, рис, фрукты. Слуги двигались бесшумно. Динара почти не говорила. Рашид задавал легкие вопросы, которые звучали как шутки, но на самом деле проверяли границы. Самира-ханум молчала, и от ее молчания еда казалась безвкусной. Амир ел мало, больше наблюдал. Я чувствовала его внимание даже тогда, когда он смотрел не на меня.

— Лейла, — сказала Самира-ханум ближе к концу ужина, — надеюсь, вы понимаете, что наш дом живет по определенным правилам.

— Я сегодня только и слышу о правилах.

— Значит, вам будет нетрудно привыкнуть.

— Смотря к каким.

— К уважению старших. К осторожности в словах. К тому, что фамилия мужа теперь защищает вас, но и требует соответствия.

Я положила вилку.

— А что именно во мне пока не соответствует?

Динара замерла. Рашид заинтересованно поднял брови. Амир медленно повернул голову к матери.

Самира-ханум улыбнулась. Красивая, холодная улыбка.

— Вы умная девушка. Не заставляйте меня говорить очевидное.

— Наоборот. Я люблю, когда очевидное произносятся вслух. Тогда меньше места для яда.

Пауза стала почти осязаемой. Амир не вмешивался. Я не знала, злит меня это или радует. Возможно, он ждал, справлюсь ли я сама. Возможно, просто не хотел ссориться с матерью в первый вечер. Самира-ханум посмотрела мне прямо в глаза.

— Хорошо. В нашем доме не принято, чтобы женщина с сомнительным прошлым вела себя так, будто ей все должны.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось, но лицо удержала спокойным. Сомнительное прошлое. Как аккуратно. Почти благородно. На языке других это звучало грубее.

— Мама, — сказал Амир.

В его голосе было предупреждение.

Но я подняла руку, не глядя на него.

— Нет. Пусть договорит. Я ведь теперь член семьи. Мне нужно понимать, в каком виде здесь подают унижение.

Рашид присвистнул тихо, почти восхищенно. Самира-ханум побледнела от гнева.

— Амир, твоя жена забывается.

— Моя жена отвечает на удар, — сказал он спокойно. — Ты ударила первой.

Я резко повернулась к нему. Не ожидала. Не хотела ожидать. Он смотрел не на меня, а на мать. Лицо его было закрытым, но в голосе не осталось ни мягкости, ни сыновней уступчивости.

— Ты приведешь в этот дом женщину за один день, разрушишь договоренность с семьей Ямины, поставишь нас всех перед фактом, и теперь я должна делать вид, что радуюсь? — спросила Самира-ханум.

— Радости я не требовал.

— А чего ты требовал? Чтобы я приняла ее как невестку?

— Да.

— За что? За ее известную историю? За то, что весь город теперь будет обсуждать, почему мой сын женился на девушке, которую вчера собирались отдать Хасану? За то, что Ямина сегодня сидит в своем доме опозоренная?

Имя Ямины прозвучало, как тонкое лезвие. Я знала уже о бывшей невесте, но одно дело слышать от Динары, другое — почувствовать ее невидимое присутствие за столом. Оказывается, не только меня сегодня забрали из чужого будущего. Кого-то еще из него выбросили.

— С Яминой я разберусь сам, — сказал Амир.

— Ты уже разобрался. Как всегда. Решил — и вокруг пусть собирают осколки.

— Мама, хватит.

— Нет, Амир. Хватит было тогда, когда ты впервые решил, что можешь исправить прошлое чужой жизнью.

Тишина изменилась. Даже Рашид перестал улыбаться. Динара испуганно посмотрела на мать. Амир застыл. А я услышала главное: исправить прошлое чужой жизнью. Значит, мой

брак был не просто расчетом и не просто долгом. Это было связано с прошлым. С тем самым, о котором все молчали.

— Чьей чужой жизнью? — спросила я.

Самира-ханум словно только сейчас поняла, что сказала лишнее. Ее лицо закрылось.

— Это не ваш разговор.

— Ошибаетесь. Если речь о моей жизни, разговор мой.

Амир медленно отложил салфетку.

— Ужин окончен.

— Для кого? — спросила я.

— Для всех.

Он встал. Рашид тут же поднялся, Динара тоже. Самира-ханум осталась сидеть, глядя на сына с такой болью и злостью, что мне вдруг стало ясно: она ненавидит не меня. Или не только меня. Она ненавидит то решение, которое я собой принесла. Ненавидит старую рану, снова открывшуюся вместе с моим приходом.

Я вышла из столовой первой. В коридоре Амир догнал меня.

— Лейла.

Я остановилась, но не обернулась.

— Не сейчас.

— Сейчас.

Я медленно повернулась.

— Ты привез меня в дом, где твоя мать считает меня грязью, твоя сестра боится говорить, твой родственник смотрит на меня как на развлечение, а ты молчишь до тех пор, пока меня не ударят достаточно громко. Что именно мы должны обсудить сейчас?

— То, что ты не будешь воевать со всем домом в первый вечер.

— Правда? А когда можно? Завтра после завтрака? Или после того, как мне принесут расписание допустимых унижений?

— Моя мать не твой враг.

Я рассмеялась.

— Конечно. В этом доме, как я понимаю, вообще никто мне не враг. Все просто хотят как лучше.

Он сжал челюсть.

— Ты устала.

— Не смей объяснять мой гнев усталостью.

— Хорошо. Ты зла.

— Блестящее наблюдение.

— И имеешь право.

Эта фраза снова выбила меня из ритма. Я была готова к давлению, приказу, раздражению. Не к признанию.

— Тогда не мешай мне им пользоваться.

— Я не мешаю. Я предупреждаю. Здесь другие правила. Моя мать не будет нападать грязно при людях, если не почувствует, что ты хочешь занять место, которое она считает не твоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.